

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2 (34)
2022**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2022

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

С. А. Володин

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

*Владимирский государственный
университет имени Александра*

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 16.11.22

Заказ № 3

Выход в свет 13.02.23

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 9,77

Тираж 500 экз.

Издательство

*Владимирского государственного
университета имени Александра*

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

*оперативной полиграфии Владимирского
государственного университета*

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича Столетовых

*600014, г. Владимир,
ул. Белоконской, 3Б*

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
ректор Московского педагогического
государственного университета
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории
России Московского педагогического
государственного университета
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапишина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории
<i>Н. М. Маркова</i>	кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института
ВлГУ
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент
доцент кафедры русской и зарубежной
филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>А. С. Тимощук</i>	доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. В. Киприянова

Досуг горожан в конце XVIII – первой половине XIX столетия 5

А. А. Корников

Старинная геральдика Пензенской губернии: история происхождения
и символика 15

В. К. Хазов

Положение детей на оккупированных территориях Ленинградской области
в 1941 – 1944 гг.: научный потенциал воспоминаний
как исторического источника 21

О. А. Чернов

Новая дискуссия об исторической роли российской гвардии (рецензия) 31

ФИЛОЛОГИЯ

А. В. Марков

Дело Кирилла и Мефодия в поэзии Ольги Седаковой
и Сергея Стратановского 39

Е. Ю. Муратова

К вопросу о кальвинизме Марины Цветаевой 47

ФИЛОСОФИЯ

С. Ш. Абдуллаева, Н. М. Маркова, Д. И. Петросян

Религиозность, конфессии и мировоззренческое самоопределение молодежи 55

В. В. Останин, Е. В. Каримова, М. А. Суботялов

Опыт мистики света в жизнеописании Бхактиведанты Свами 67

А. С. Тимощук

Социально-правовая концептуализация индуизма 74

Сведения об авторах 84

CONTENTS

HISTORY

N. V. Kipriyanova

Leisure of citizens of the late XVIII – first half of the XIX century 5

A. A. Kornikov

Ancient heraldry of the Penza province: history of origin and symbolism 15

V. K. Khazov

The situation of children in the occupied territories of the Leningrad region
in 1941 – 1944: the scientific potential of memories as a historical source 21

O. A. Chernov

New discussion on the historical role of the russian guard (the review) 31

PHILOLOGY

A. V. Markov

The activity of Cyril and Methodius in the poetry of Olga Sedakova
and Sergei Stratanovsky 39

E. Yu. Muratova

On the question of Marina Tsvetaeva's calvinism 47

PHILOSOPHY

S. Sh. Abdullaeva, N. M. Markova, D. I. Petrosyan

Religiosity, confessions and ideological self-determination of youth 55

V. V. Ostanin, E. V. Karimova, M. A. Subotyalov

Experience of the mysticism of light in the biography of Bhaktivedanta Swami 67

A. S. Timoshchuk

Socio-legal conceptualization of hinduism 74

Contributors 84

ДОСУГ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В представленной статье на основе анализа различных видов письменных источников прослеживается трансформация форм досуга и досуговой среды горожан в конце XVIII – середине XIX в. Автор приходит к выводу, что в указанный период значительно изменяется отношение к досугу, что отражает существенную эволюцию миропонимания, начало формирования городской, урбанизированной культуры.

Ключевые слова: Россия конца XVIII – середины XIX в., социокультурное пространство, урбанизация, горожане, досуг.

Город как самостоятельный административный, социально-экономический и культурный элемент русского общества начал формироваться в результате реформ Екатерины II в последней четверти XVIII в. С принятием «Жалованной грамоты городам» происходило юридическое определение городских сословий. Были созданы корпоративные структуры (ремесленные цехи, купеческие гильдии), оформлены системы сословного самоуправления и суда (городские и шести-гласные думы, магистраты). Эти мероприятия заняли длительный период, но способствовали формированию сословного самосознания, специфического менталитета, а также собственной субкультуры городского населения. Помимо так называемого третьего сословия, в которое в России обычно включают купцов, мещан, ремеслен-

ников и рабочих, в городе проживали дворянство, духовенство, крестьяне, а также военнослужащие.

Сосуществование в относительно замкнутом пространстве представителей разных сословий неизбежно приводило к взаимовлиянию и взаимозаимствованию элементов культуры, в том числе в досуговой сфере.

История досуга как части повседневности является яркой характеристикой образа жизни. Для XVIII – XIX вв. понятие «досуг» было относительно новым. Длительность, место и значение досуга в различных слоях русского общества определялись сословным принципом организации всех сфер жизни. Для торгово-промышленного городского населения существовало четкое разграничение, которое можно обозначить как чередование «дела и безделья». Под досугом обычно пони-

малось время, не занятое какой-либо производственной деятельностью, свободное от обязанностей, близкое к праздности [16, с. 6]. Это естественно, так как «ничего неделание» было неприемлемо для людей, которые жили своим трудом.

Данная проблема предполагает относительно локальные хронологические и территориальные рамки, так как категории «образ жизни», «досуг» имеют четкую «привязку» во времени и пространстве и не могут быть усредненными. Региональные и микрорегиональные исследования позволяют более объемно реконструировать все аспекты жизни российской провинции.

В статье на примере городов Владимирской губернии анализируется процесс постепенного изживания с течением времени средневековых бытовых традиций в досуговой сфере и нарастание специфических тенденций, присущих городу капиталистического периода. Хронологические рамки статьи обусловлены временем функционирования основных положений «Учреждений для управления губерний» и «Жалованной грамоты городам» (последняя четверть XVIII – последняя треть XIX века). Это период кристаллизации собственно городских тенденций под влиянием промышленного развития и начавшегося процесса урбанизации в России.

По мнению современных исследователей, для понимания особенностей бытовой стороны жизни горожан большое значение имеет демографический фактор – численность населения

в каждом конкретном городе [18]. Отмечено, что в малых и средних городах с населением не более 10 – 15 тыс. человек дольше сохранялись патриархальные, традиционные отношения, что влияло и на досуговую сферу. Не менее важной представляется и социальная стратификация городских жителей.

Особенностью горообразование в России в период екатерининских реформ было «назначение» городов. Город был необходим власти как административный центр определенной округи. А поскольку существовавших городов не хватало, то их надо было просто учредить указом: «какое-нибудь село возводилось в городское достоинство; крестьянство обращалось в мещанство». Вследствие этого даже в XIX в. современники рассматривали город как «насильственную случайность» [19]. «Назначение» городов в России в XVIII в. происходило повсеместно.

Во Владимирской губернии на момент ее образования существовало семь городов с древней историей – Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, Муром, Гороховец, Шуя. Вновь «учредили»: Киржач, Ковров, Покров, Судогду (бывшие ранее экономическими селами), Вязники (из государственной слободы), Меленки (из дворцового села) и Александров, являвшийся ранее слободой ведомства Дворцовой конюшенной канцелярии [24]. Большая часть городов с численностью населения не более 15 тыс. человек вплоть до

середины XIX в. имела ярко выраженный аграрный характер. Нам важно отметить, что указ о «назначении» города не мог одновременно создать новую экономическую, социальную, культурную общность, а переименование бывших крестьян в мещан не делало население городскими жителями. По хозяйственной деятельности, менталитету, образу жизни эти «новые горожане» оставались крестьянами, поэтому и формы досуга первоначально были близки крестьянским.

Приверженность традиционной, патриархальной досуговой «деревенской» культуре выражалась, прежде всего, в устойчивом бытовании народных гуляний, берущих начало в земледельческих традициях.

В городе эти гулянья частично трансформировались в неторопливые прогулки по улицам. Популярными местами, где можно было «людей посмотреть и себя показать», обычно становились берега рек, протекавших в черте городов: Оки (Муром), Клязьмы (Владимир), Унжи (Меленки). Древние крепостные валы, уже потерявшие свое оборонительное значение, также превращались в места для прогулок [4, с. 148, 261]. В старинном Гороховце население с высокого холма на окраине города любовалось окрестностями и совершало прогулки за Клязьму, внимая пению соловьев. По вечерам горожане с удовольствием слушали оркестры «проходящих и днюющих» в городах полков [12, с. 47, 57, 59]. Переславский купец К. А. Куманин (впоследствии московский купец 1-й гиль-

дии и городской голова Москвы) предоставил горожанам для прогулок свой «чистый и тенистый сад». Во Владимире были популярны массовые народные гулянья на окраине города за кладбищем Св. Владимира в долине Яруновой (Яриловой). Правда, «благородное сословие» (дворянство) в этом мероприятии никогда участия не принимало [4, с. 148, 265]. Сословный характер подобных гуляний отмечался и в других регионах [17, с. 141].

Веселье, отдых от физического труда в традиционной культуре не воспринимались как безделье, как полностью свободное время. Праздничный, семейный и бытовой досуг всегда имел важное общественное значение, выполнял коммуникативные и социальные функции, являлся важным средством социализации личности. Для молодежи подобные гулянья давали возможность знакомства и выбора брачного партнера. Коллективный досуг за неторопливыми разговорами способствовал выработке общественного мнения о каких-либо политических и местных новостях, позволял усваивать нормы и ценности, принятые в данном социуме [12, с. 65].

Принципиально новым явлением в городской досуговой культуре стали регулярные государственные праздники, обычно связанные с днями рождения и именинами членов императорской фамилии. Традиции и структура официальных торжеств формировались с начала XVIII в. В этих мероприятиях сильнее проявлялась социальная дифференцирован-

ность досуга. Несмотря на светский характер события, первым шагом было обязательное церемониальное богослужение, на котором должны были присутствовать представители высшей администрации города. Затем следовал торжественный обед, а вечером – бал в здании Дворянского собрания или у губернатора. Иногда высшее общество посещало театр [23]. Для «простого» народа предусматривались обычные гулянья.

Помимо регулярных, существовали и «разовые» официальные праздники – обычно торжественные встречи проезжающих через город высокопоставленных персон. О приезде высокопоставленных лиц губернской администрацию оповещали заранее. Дворяне жертвовали некоторые суммы на благоустройство города (починка мостовых, освещение). Структура этих праздников также стандартизировалась: торжественная церковная служба, небольшой военный парад, народные гулянья и закрытые развлечения для «элиты». Если у города были средства, вечером ко всеобщей радости устраивался фейерверк [14, с. 593].

Визиты членов императорской фамилии были выдающимся событием для всех горожан. «Незабвенным» оставалось и само посещение, и та возвышенно-праздничная атмосфера, которая ему сопутствовала. В 1798 г. во время путешествия в Казань во Владимире останавливался император Павел I с сыновьями – великими князьями Александром и Константином Павловичами. Хотя в городе они были все-

го два дня (17 – 18 мая), для положенного в таких случаях торжественного молебна переоборудовали дом, где расположился государь, – устроили специальную походную церковь. Зная пристрастие Павла I к военным парадом, администрация губернского города устроила смотр батальона внутренней стражи. Император остался доволен. Еще довольнее были городские обыватели, так как подобные парады были нечасты [25].

В первой половине XIX в. во Владимире побывали Николай I (1834 г.) и цесаревич Александр Николаевич (1837 г.). Структура торжественных встреч принципиально не изменялась. Современники и в губернском городе, и затем по пути следования венценосных особ, в Муроме, особенно подчеркивали отношение народа к монаршим персонам. Их появление на публике сопровождалось «радостными восклицаниями народа», зрители «в восторге целовали одежду императора», выносили «пред царские очи младенцев», муромцы даже встречали императора, стоя на коленях. Государь воспринимался как «любимый Отец среди семейства» [26, с. 212 – 216]. И этот патернализм был вполне искренним. Гороховецкий купец Балувев сокрушался, что государь проезжал через их город «по утру» и «почивал», и жители не смогли его увидеть, хотя очень ждали [12, с. 56].

Следует отметить, что с 1830-х гг. в официальных торжествах появляется качественное отличие. Мероприятия становятся более светскими. В 1837 г.

в честь приезда цесаревича во Владимире в Дворянском собрании была устроена промышленная выставка, на которой местные предприниматели смогли продемонстрировать продукцию своих предприятий. А на вечерний бал получила приглашение не только местная аристократия, но и городская общественность [28, с. 14].

Некоторое сглаживание сословной дифференциации наблюдалось и в празднествах в честь проводов и отъезда в Санкт-Петербург владимирского губернатора И. Э. Куруты в 1842 г. Помимо обычных загородных гуляний с фейерверком, состоялся общественный бал, который организовало во владимирском Дворянском собрании шуйское купечество [27].

Празднества в честь «высочайших» визитов и тезоименитств, а также важных событий местного масштаба являлись все же эпизодическими мероприятиями. Более регулярный характер носил корпоративный досуг.

У дворян наиболее популярными были балы, маскарады, салонные приемы. Балы могли устраиваться как продолжение официальных мероприятий, так и без всякого официального повода. Например, в 1810 г. владимирское дворянство получило грамоту императора за усердие в организации милиции. После официальной церемонии и помещения грамоты в специальный бронзовый ковчег состоялся бал в зале Дворянского собрания [5].

Балы для дворянина – это не танцевальная вечеринка, а важнейший социальный акт, форма общественной

организации сословия. Центральным, организующим элементом всего бального ритуала были танцы, определяющие и манеру разговора, и в целом стиль общения. Если девушка-дворянка или молодой человек не умели танцевать – им нечего было делать на балу. В результате они лишались возможности «выйти в свет», стать частью дворянского общества. Поэтому дворянских детей обучали танцам с детства, устраивались даже специальные детские балы. И. М. Долгоруков, будучи владимирским губернатором в 1801 – 1811 гг., в своих воспоминаниях упоминал «первый еще бал в своем доме», на который «съехалось человек до ста». Неоднократно устраивались и маскарады – либо в Дворянском собрании, либо в частных домах [14, с. 185, 586, 620].

Домашний досуг дворянства мог состоять как из тихих семейных вечеров, так и из приемов родственников или близких знакомых. Здесь несколько ослабевали жесткие, подчас чопорные, нормы поведения, и дом наполнялся шутками, играми, дети могли «поиграть, порезвиться и нас потешить» [Там же, с. 602, 619]. Нередко в семье образованного дворянства элементом семейного досуга был домашний театр, в спектаклях которого – не для гостей и приглашенных, а для себя – принимали участие все члены семьи [Там же, с. 620, 666].

Популярностью у дворянства пользовались и салоны – собрания лиц, объединенных общими интересами. Обычно собирались в частных домах.

Литературные салоны играли роль школы «для начинающих молодых людей». Здесь происходила своеобразная подготовка к последующей литературной или научной деятельности. В салонах звучали «шутки остроумные, свободные разговоры и ученые преннии» [14, с. 666].

Корпоративный досуг купечества и мещанства не отличался особым разнообразием и был тесно связан с семьей и религиозными традициями. Существовал установленный годовой цикл православных праздников. Их структура также была достаточно устойчивой: непременно посещение церковной службы (как приобщение к духовности); общение с родственниками (демонстрация единства рода); чинное гулянье на улице и участие в народных увеселениях (как демонстрация единства социума) [22, с. 15].

Свидетельства современников рисуют примерно однотипную картину купеческо-мещанского досуга для разных городов. В Вязниках «в праздничные дни гуляют по улицам, у кого есть лошади – катаются» [2, с. 32]. Во Владимире в зимнее время «народ катался на горах» или в санях, покрытых коврами. В теплое время в губернском центре устанавливались качели [13]. Редким экзотическим развлечением было появление бродячего шарманщика или приезд некоего «иностранца» с большим воздушным шаром. «Зрелище сие, совсем новое для жителей губернских, заняло любопытство каждо-

го. Продолжалось оно с час, а толковали об нем неделю» [14, с. 607].

Элементом досуга в купеческо-мещанской среде была и демонстрация «молодецкой удали». Помимо банальных драк с воплями «Бей рыжих!» [8], устраивались кулачные бои. Они также являлись наследием деревенских обычаев. В них участвовали не только купцы и мещане, но и гимназисты. В 1823 г. в одном из уездных городов в ходе кулачного боя непреднамеренно был убит мещанин. После этого последовало предписание Министерства внутренних дел о запрете боев [6].

Некоторое разнообразие в купеческий досуг вносило посещение по торговым делам крупных ярмарок. После завершения торговых операций можно было посмотреть «комедии, панорамы и тому подобные кабинеты», увидеть «актеров, сцену театра, занимательные роли» [12, с. 45, 62].

Досуг в семейном кругу имел свои особенности. Выбор брачного партнера для купеческой молодежи во многом зависел от торгово-предпринимательских связей главы семейства. Исходя из соображений сохранения и преумножения семейного капитала купцы часто искали женихов и невест в семьях своих деловых партнеров. Вследствие этого наблюдалась значительная «разбросанность» семей. Важнейшим мероприятием в рамках семейного досуга было посещение родни, проживавшей в других городах и селах.

В гости «всем двором опричь хором» купцы путешествовали по

большим церковным праздникам – на Пасху, Рождество, и это было важным семейным мероприятием с обязательным ответным визитом. Достаточно часто «гостевали» только мужчины, занимаясь делами «на родине жены». Возвращаясь домой, они обычно с теплотой вспоминали радушие тещи и неторопливые беседы со свояком и шурином [12, с. 49, 52, 54, 60, 62].

Помимо чисто домашних, были и торжественные («парадные») обеды для широкого круга родственников и знакомых. Эти мероприятия требовали не только соблюдения традиций гостеприимства, но и определенного этикета. Для купечества одним из важнейших был принцип старшинства. Гости рассаживались в определенном порядке, в соответствии с которым «младшие» (не только по возрасту, но и по капиталу, по городским выборным службам) не должны были оказаться «выше» старших. Порядок обычно определял сам хозяин. Обеды были обильными, могло подаваться по 15 и более блюд. За обедом следовали разговоры – разумеется, о торговле, а также о новостях, театре, «о снах и предрассудках». Иногда гости танцевали, играли в фанты, а дети разыгрывали небольшие спектакли [29, с. 272, 273]. Домашние постановки в наиболее образованных семьях устраивались и на французском языке [3].

Подобные торжественные обеды выполняли и дополнительные – дипломатические и этические – функции. Приглашение означало, что данный человек является желательным, он

«принят» в дом; неприглашение – фактически демонстрацию отказа от знакомства. На званых обедах завязывали деловые («нужные») отношения, иногда получали полезную для сделки информацию [1, с. 307]. Эти мероприятия уже нельзя назвать строго досуговыми. Это, скорее, демонстрация собственного статуса, лишь внешне завуалированная под досуг.

Домашнее семейное времяпрепровождение в зажиточных купеческих семьях сохраняло некоторые черты патриархальности. В то же время в нем проявляются и новые черты. В детском дневнике Александра Григорьевича Столетова, будущего известного ученого-физика, сохранились сведения о домашних приемах середины XIX столетия. На них присутствовали не только лица «своего» круга, но и священнослужители, местная интеллигенция (директор и учителя гимназии, инженер-путеец, известный в городе врач, а также представители дворянских фамилий – граф М. А. Апраксин, Л. П. Языкова) [29, с. 270]. У этих людей были общие интересы в области искусства, науки, они интересовались литературными новинками и историей. По сути, эти приемы были аналогом традиционных дворянских салонов. Вместе с тем это не просто подражание, но и показатель роста духовных потребностей.

У городских кумушек было свое, отдельное «гулянье». По праздничным и воскресным дням женщины, освободившись от повседневной домашней работы, наряжались в свои

лучшие платья и обычно собирались у ворот чьего-либо дома посудачить. Иногда просто сидели на лавочках и занимались «бабьими разговорами». Чаще всего обсуждалось «подозрительное в верности к своему мужу поведение» какой-нибудь соседки [7].

Досуг рабочих трудно вычленишь из досуга других слоев городских жителей прежде всего из-за отсутствия для этого времени документов личного происхождения. Надо сказать, что и государство долгое время не выделяло рабочих из «толпы», «черни». Они участвовали в обычных народных гуляньях.

Современники отмечали, что в городах Владимирской губернии простонародье использовало традиционные формы досуга. Наиболее популярными были состязания в силе и ловкости – поднятие на спор тяжестей и кулачные бои (несмотря на все запреты). Реальной проблемой являлось пьянство. Анализ многочисленных фактов пристрастия фабричного населения к алкоголю выявил крайне низкую организацию досуга [30]. Современники неслучайно отмечали, что «беднейший класс после усиленных недельных трудов в праздник способен подкутнуть порядком» [2, с. 32].

Посещение питейных заведений было характерно для всех категорий горожан (кроме дворянства). Особенностью городского досуга являлась его постепенная коммерциализация, и кабаки играли не последнюю роль в этом процессе. Еще в середине XVIII в. государство издало положение о трактирах,

которые называли гербергами (немецкое «die Herberge» – постоялый двор). Это был не банальный кабак, где можно было напиться. В гербергах был бильярд; по просьбе посетителя хозяин мог предоставить «трубочку» вместе с табаком; здесь можно было «напиться чаю» и просто посидеть, поговорить [21, с. 186]. Однако это «светское времяпрепровождение» отступало на второй план. В начале XIX в. во Владимире было 18 кабаков, 2 трактира и 5 гербергов. К середине столетия количество заведений, торговавших спиртным, значительно увеличилось: 104 питейных дома и погребца, 74 постоянных двора и небольших лавочек, 26 трактиров и гостиниц. Это в городе с населением менее 15 тыс. человек! Естественно, что горожане имели склонность к досугу «по трактирам и кабакам» [4, с. 148]. Поэтому драки, после того как посетители выпивали «чаю один или два графина», а перед этим какое-то количество пива, были явлением вполне обычным [7, с. 585].

Любовь к чтению у «простого народа» была намного слабее. В конце XVIII в. в описях имущества часто упоминаются книги, но обычно религиозного содержания [10; 11]. Первая книжная лавка во Владимире известна с начала XIX в., к середине столетия их стало три [9]. Обыватели не спешили покупать книги. Любители чтения появились преимущественно в середине – второй половине XIX в., когда стали ценить досуг, в котором были «простой стол, комната, книги, приятель или друг» [20].

Таким образом, на протяжении конца XVIII – середины XIX в. происходили определенные изменения в досуговой практике горожан. Город воспринял традиционные многолюдные гулянья и праздники, свойственные крестьянской традиции. Однако процесс урбанизации и сословная стратификация населения вносили в досуг горожан серьезные изменения. Катание с ледяных гор или на лошадях, ряженые на святках, хороводы «на природе» постепенно теряли свой первоначальный смысл, уходящий корнями в языческое прошлое. Постепенно стиралась и сословная отчужденность – салоны и домашние спектакли стали привилегией не только аристократии, но и зажиточного купечества. Досуговая среда становилась более комфортной. Благодаря усилиям городского головы А. В. Ермакова в середине XIX в. был построен театр в Муроме; по инициативе губернатора П. М. Донаурова публичный театр появился во Владимире [15, с. 134]. Важным изменением становится нарастание светскости, когда религиозные элементы торжеств постепенно отходят на второй план. Появляются специфически «мирские» развлечения – салоны, карнавалы, фейерверки. В целом образ жизни становится более открытым.

Библиографические ссылки

1. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. : Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2009. 308 с.
2. Веселовский К. А. Город Вязники : История его, древности и статистика. Владимир, 1871. 33 с.
3. Владимирские губернские ведомости (ВГВ). 1869. № 6 (часть неоф.).
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи / изд. по Высочайшему повелению при 1 отд-нии Департамента Генерального штаба. Т. VI. Ч. 2. Владимирская губерния. СПб., 1852. 374 с.
5. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1013. Л. 1-2.
6. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2647. Л. 1.
7. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 268. Л. 36.
8. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575. Л. 318-319.
9. ГАВО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.
10. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 35. Л. 9 об.
11. ГАВО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 252.
12. Андреев Н. И. Дневник купца Балужева // Гороховецкая историческая хроника : сб. ист.-краевед. ст. Владимир, 2008. Вып. 3. С. 47, 57, 59.
13. Доброхотов В. О качелях // ВГВ. 1851. № 16 (часть неоф.).

14. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / князь И. М. Долгоруков. СПб., 2004. Т. 1. 816 с.

15. Канакин В. Все началось с балагана // Владимир : лит.-худож. и краевед. сб. Владимир, 1997. С. 131 – 135.

16. Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003. С. 6.

17. Кострикина О. А. Повседневный досуг провинциального горожанина в первой половине XIX века // Уваровские чтения – VII: семья в традиционной культуре и современном мире. Владимир, 2011. С. 138 – 142.

18. Кошман Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX в. К вопросу о креативности исторической памяти [Электронный ресурс] // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=639 (дата обращения: 11.07.2022).

19. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты М., 2008. С. 5.

20. Куприянов А. И. Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX в. (по материалам дневников) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С.134 – 146.

21. Курукин И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. 518 с.

22. Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища : конец XVIII – нач. XX в. / 3-е изд., доп. и испр. СПб., 2004. 254 с.

23. Официальные мероприятия города // ВГВ. 1842. № 50.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. № 14787.

25. Ранг М. Рассказ очевидца о посещении императора Павла I города Владимира на Клязьме // ВГВ. 1870. № 1.

26. Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 212 – 216.

27. События // ВГВ. 1842. № 35.

28. Стромиллов Н. С. Путешествие государя наследника цесаревича Александра Николаевича по Владимирской губернии в 1837 году и Первая Выставка

произведений Владимирской губернии в г. Владимире : ист. и стат. очерки
Н. С. Стромилова. Владимир, 1888. 41 с.

29. Суслина О. Н. Купеческая семья Столетовых в дневниках детей
Александра и Анны // Уваровские чтения – VII: семья в традиционной культуре
и современном мире. Владимир, 2011. С. 269 – 274.

30. Черневский В. А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и
способы борьбы с ним. Владимир, 1911. 74 с.

N. V. Kipriyanova

LEISURE OF CITIZENS OF THE LATE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Based on the analysis of various types of written sources, the presented article traces the transformation of the forms of leisure and the leisure environment of citizens in the late 18th - mid-19th centuries. The author comes to the conclusion that during this period the attitude towards leisure changes significantly, which reflects a significant evolution of the world outlook, the beginning of the formation of an urban, urbanized culture.

Keywords: Russia at the end of the 18th – the middle of the 19th centuries, sociocultural space, urbanization, citizens, leisure.

УДК 929.6

А. А. Корников

СТАРИННАЯ ГЕРАЛЬДИКА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СИМВОЛИКА

Рассматриваются история и происхождение старинных гербов Пензенской губернии с XVIII века по 1917 год. Анализируется символика эмблем отдельных гербов региона. Описывается процесс разработки и утверждения гербов, выделяются основные группы этих гербов и приводятся их количественные показатели. Показана преемственность в развитии дореволюционных гербов Пензенской губернии и современных гербов муниципальных образований Пензенской области.

Ключевые слова: Пензенская губерния, геральдика, уездные гербы, эмблематика, символика, исторические традиции, муниципальные образования.

Одними из важных источников в изучении отечественной истории являются гербы – символические изображения, составленные по общепринятым правилам и утверждённые государственной властью. Земельные, губернские областные и городские гербы рассказывают об истории этих территорий, занятиях населения, географии и семантике их названий.

Цель данной статьи – анализ развития геральдики Пензенского края от момента зарождения отечественной геральдики в конце XVII века до 1917 года. Под старинными гербами края мы понимаем совокупность гербов административно-территориальных единиц региона, существовавших в XVIII – начале XX века.

В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, показать истоки пензенской геральдики. Во-вторых, представить динамику её развития в имперский период. В-третьих, показать её влияние на современную геральдику Пензенской области.

Выбор именно этого региона обусловлен тем, что его территория входит в исторический центр России. Поэтому дореволюционные гербы этой губернии являются символами не только Пензенского края, но и в определенной степени всей России. Изучение старинных гербов имеет значение и с точки зрения понимания современной территориальной геральдики, так как они оказали влияние на разработку символов новейшего времени Пензенской области. Научная актуальность

данной проблемы обусловлена отсутствием обобщающих исследований по заявленной теме. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов региона, происхождении некоторых их эмблем [2; 4; 11].

Говоря о времени появления первых гербов в России, в том числе и в Пензенском крае, необходимо иметь в виду именно гербы, а не древнейшие знаки и эмблемы. И если последние прослеживаются с эпохи раннего феодализма на печатях и монетах русских княжеств, то появление гербов в России относят к периоду не ранее конца XVII века [13, с. 21, 28].

Официальное утверждение губернского пензенского герба, а также других гербов региона происходит в связи с реформой административно-территориального управления России в конце XVIII века, в ходе которой началось массовое создание символов для российских городов. Начало реформы ознаменовалось правительственным указом 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [6, с. 229, № 14392]. Одновременно с созданием губерний и утверждением в них определенного количества уездов вводится практика утверждения уездных гербов. В процессе административно-территориальной реформы Именным данным указом Екатерины II от 15 сентября 1780 года было образовано Пензенское наместничество из 13 уездов [6, с. 987, № 15061].

12 декабря 1796 года Пензенское наместничество было преобразовано в Пензенскую губернию [8, с. 229, № 17634]. Указом от 5 марта 1797 года Пензенская губерния была переименована в Саратовскую губернию и губернским городом назначен Саратов [Там же, с. 509, № 17867]. 9 сентября 1801 года была восстановлена Пензенская губерния из 10 уездов Саратовской губернии [9, с. 775, № 20004]. Данное деление сохранялось до 1918 года.

На основании высочайше утвержденного указом Екатерины II 28 мая 1781 года доклада Сената были утверждены 13 гербов Пензенского наместничества [7, с. 128 – 129, № 15165]. В докладе отмечалось, что по приказанию Сената герольдмейстером А. А. Волковым для уездных городов данного наместничества были собраны ранее созданные гербы, а для некоторых сочинены вновь. А. А. Волков (1736 – 1788) имел достаточно большой опыт практической геральдики. С 1777 по 1783 год он занимал должность герольдмейстера. В частности, под его руководством были разработаны гербы Костромского, Рязанского и Санкт-Петербургского наместничеств [14, с. 104 – 105]. Его заместителем (товарищем) был коллежский советник И. И. фон Энден. Должность живописного мастера занимал А. Н. Бутковский, ему помогали художники И. Шаврин и А. Шерстнев. Именно этот коллектив разрабатывал гербы Пензенского наместничества.

Гербы наместничества были созданы по уже устоявшейся схеме. Ге-

ральдический щит (кроме «старых», т. е. составленных ранее) делился горизонтально на две равные части. В верхней помещался герб наместничества, указывавший на административную принадлежность города, а в нижней части – собственно герб уездного города [6, с. 723, № 14765]. Пензенский герб имел следующее описание: «В зеленом поле три снопа: пшеничный, ячменный и просяный» [7, с. 128, № 15165]. В докладе Сената герб Пензы, а также гербы Саранска и Троицка названы старыми. Гербы Пензы, Саранска входят в список гербов, разработанных известным геральдистом Ф. Санти [13, с. 51].

10 августа 1724 года император Петр I подписал указ «О сделании во всех Присутственных местах для запечатывания судных дел печатей». Указ предписывал: «во всех судебных местах сделать печати, а именно: в Губерниях и провинциях и в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской Конторе» [5, с. 341, № 4552]. На основании этого указа в 1724 году чиновники Герольдмейстерской конторы разослали в губернии и провинции запросы о наличии у городов региона гербов, а также данные об истории, достопримечательностях этих городов. Сохранились сведения, полученные на этот запрос из Пензенской и Шацкой провинциальных канцелярий. Из них следует, что ни один из городов провинций не имел герба. Говоря о достопримечательностях города Пензы, от-

мечалось: «Хлеб родитца в городе Пензе и в пригородах в Мокшанске, в Рамзайке и в уезде рожь, пшеница, ячмень, овес, полба, греча, проса, горох, семя конопляное масляное, в огородах овощи: капуста, огурцы, морковь, ретка, свекла, бобы, чеснок, лук, дыни, тыква, что в его окрестностях» [2, с. 153]. По-видимому, эти данные подтолкнули Ф. Санти изобразить на гербе Пензы три снопа: пшеничный, ячменный и просяной. При описании достопримечательностей Саранска местные чиновники ничего не сообщили ни о пушном звере, ни об охоте; тем не менее на гербе Саранска Ф. Санти изобразил в серебряном поле червленую лису и три стрелы друг возле друга наконецниками вниз [Там же, с. 154].

Герб Троицка (золотой крест под короной) встречается в знаменном гербовнике 1712 года на знаменах Троицкого пехотного и Троицкого драгунского полков [15, с. 144]. Троицкий пехотный полк был сформирован в 1700 году, Троицкий драгунский полк – в 1701 году [14, с. 244, 305]. Основой для эмблемы Троицкого полка послужил, по-видимому, аллегорический рисунок под № 165 с подписью «Сила божья с нами» из книги «Символы и эмблемата...» 1705 года [12, с. 67].

На остальных гербах Пензенского наместничества были изображены: у города Верхнего Ломова – пять железных ломов, положенных звездой верхними концами вверх; Нижнего Ломова – пять железных ломов, положенных звездой верхними концами

вниз; Керенска – две вишнёвые ветки с плодами; Наровчата – в голубом поле гора со звериными норами; Краснослободска – в серебряном поле четыре ветки сливы с плодами; Инсара – в золотом поле большой лес, окруженный засекой с надолбами и воротами; Чембарска – в голубом поле золотой летящий журавль; Моршанска – в красном поле два бердыша; Городища – в серебряном поле старые городские стены; Шишкеева – полосатый и голубой щит, на трех золотых полосах – четыре перепёлки.

Таким образом, геральдическое пространство Пензенской губернии в период с конца XVIII до начала XX века включало 13 гербов: губернский, девять уездных городов и три безуездных (Верхний Ломов, Троицк, Шишкеев). Для геральдики Пензенской губернии характерно доминирование эмблем, показывающих особенности флоры и фауны региона: у Инсара – в золотом поле большой лес; Чембарска – летящий журавль; Шишкеева – четыре перепёлки. Можно отметить также, что среди гербов региона есть уездные гербы, имеющие гласный характер: у Верхнего Ломова – пять железных ломов, положенных звездой верхними концами вверх; Нижнего Ломова – пять железных ломов, положенных звездой верхними концами вниз. Отличительная черта геральдики губернии – наличие достаточно большого количества гербов, отразивших развитие тех или иных отраслей сельского хозяйства (Пенза, Керенск, Краснослободск).

С образованием губернии герб Пензы стал губернским (вплоть до 1878 года, когда был утверждён новый губернский герб). В 1850 – 1880-е годы в России проводилась серьезная реформа, которая изменила композицию территориальных гербов. 5 июля 1878 года был высочайше утверждён новый герб Пензенской губернии: «В зеленом щите три золотые снопа, связанные червленными лентами. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою (голубой – А. К.) лентою» [10, с. 7, № 58684; 1, с. 39]. Вновь вводимые элементы (корона, листья и лента) были едиными для гербов всех регионов России. По сравнению с гербом 1781 года, в новом гербе снопы названы золотыми, но без указания на их разновидности – пшеничный, ячменный и просяной.

В рамках реформы, проводившейся управляющим гербового отделения департамента герольдии Сената Б. В. Кёне, в 1850 – 1870-х годах были подготовлены проекты новых гербов для уездных городов, в том числе и для ряда городов Пензенской губернии. В соответствии с правилами, утвержденными в 1857 году, губернский герб в новых проектах стал помещаться не в верхней части герба, а в вольной части щита, в правом углу. Затронул Б. В. Кёне и композицию, оформление самих городских гербов. Однако все эти проекты остались неутвержденными.

Пензенские гербы изображались на должностных знаках, бланках и печатях местных учреждений и др. На основе геральдических цветов губернских или наместнических эмблем разрабатывалась цветовая гамма чиновничьих мундиров. Так, в конце XVIII века пензенским чиновникам было предписано, руководствуясь геральдическими цветами региона, носить красный камзол с желтыми пуговицами и красный кафтан с бледно-зелеными лацканами и обшлагами [3, с. 11].

После 1917 года использование пензенских гербов прекратилось, однако в 1990 – 2000-е годы на их основе были созданы герб Пензенской области и многие современные гербы муниципальных образований региона. На основе дореволюционных гербов были разработаны гербы двенадцати современных муниципальных образований: Вадинского, Мокшанского, Наровчатовского, Нижнеомовского муниципальных районов; городских округов Пенза, Кузнецк; городских поселений Белинское, Мокшанское, Спасск, Городище, Сердобск и сельского поселения Вадинское [16].

Таким образом, старинные гербы Пензенской губернии передают в целом историю, географию, промыслы этого российского края. Они стали неотъемлемой составной частью эмблематической среды региона и нашли отражение в современной территориальной геральдике области.

Библиографические ссылки

1. Гербы губерний и областей Российской Империи. СПб., 1880. 87 с.
2. Годин В. С., Озерская В. А. Описание городов Пензенской, Тамбовской и Шацкой провинций // Краеведческие записки. Пенза, 1970. Вып. 2. С. 146 – 155.
3. Изображения губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. СПб., 1794. 74 с.
4. Нарцов А. Н. Краткие сведения по геральдике // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1904. Вып. 47. С. 19 – 25.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. VII. 992 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XX. 1034 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXI. 1083 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXIV. 869 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXVI. 873 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ч. 2. СПб., 1880. Т. LIII. 873 с.
11. Рево О. Гербы городов Пензенской губернии // Наука и жизнь. 1986. № 12. С. 129.
12. Символы и Емблемата. Амстердам : Типография Генриха Ветстейна, 1705. 306 с.
13. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX вв. М., 1981. 263 с.
14. Татарников К. В. Русская полевая армия 1700 – 1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. 352 с.
15. Татарников К. В. Знамена и гербы полков Российской армии царствования Екатерины I и Петра II (1725 – 1730) // История военного дела: исследования и источники. М., 2012. Т. 1. С. 51 – 215.
16. Heraldicum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heraldicum.ru/russia/index.htm> (дата обращения: 01.06.2022).

**ANCIENT HERALDRY OF THE PENZA PROVINCE:
HISTORY OF ORIGIN AND SYMBOLISM**

The history and origin of the ancient coats of arms of the Penza province from the XVIII century to 1917 are considered. The symbolism and origin of the emblems of individual coats of arms of the region are analyzed. It describes the process of developing and approving county coats of arms, highlights the main groups of these coats of arms, and provides their quantitative indicators. The continuity in the development of the pre-revolutionary coats of arms of the Penza province and the coats of arms of the modern coats of arms of the municipalities of the Penza region is shown.

Keywords: Penza province, heraldry, county coats of arms, emblematic, symbolism, historical traditions, municipalities..

УДК 94(470) «1941/1945»

В. К. Хазов

**ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 – 1944 гг.: НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ВОСПОМИНАНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

В статье изучаются нюансы положения детей на оккупированных территориях Ленинградской области в период с 1941 по 1944 г. с позиции анализа содержания и текстологических особенностей воспоминаний самих детей, переживших оккупацию. Автор делает вывод о том, что воспоминания «детей оккупации», будучи включенными в комплексное исследование, имеют значительный потенциал для изучения военной повседневности, бытовых условий жизни советских граждан (не только детей и подростков) на оккупированных территориях.

Ключевые слова: оккупация, дети, эго-документы, источниковедение, потенциал источника, Великая Отечественная война.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189 (<https://rscf.ru/project/22-28-20189/>); гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022

В последние два десятилетия в российской историографии под влиянием мировых тенденций развития теории и практики исторических исследований наметился устойчивый интерес к междисциплинарному и «историко-антропологическому» подходам в изучении истории Великой Отечественной войны.

В данной работе используются идеографический метод, метод автобиографического анализа, сравнительно-исторический, однако ключевым методом является просопографический. Именно последний позволяет сформировать обобщённый образ переживаний оккупации детьми, оказавшимися на захваченных врагом территориях Ленинградской области.

Цель статьи – анализ содержания и выявление специфических особенностей жизни детей в оккупации и невзгод, которые им в связи с этим пришлось пережить. К разряду подобных данных относятся мелкие детали воспоминаний, которые фиксировались детским сознанием, прямо или косвенно определяли характер и дух содержания воспоминаний. Выявление этого уровня информации способствует также установлению научного потенциала данного типа документов в качестве исторического источника для изучения «историко-антропологического» содержания Великой Отечественной войны.

В российском источниковедении нет единой точки зрения относительно места постсобытийных свидетельств в системе источников. Существует не-

сколько, иногда прямо противоположных, подходов к решению данной проблемы. Первый – включение таких воспоминаний в уже упомянутую нами выше группу источников, условно обозначаемую как «эго-документы». К ним относятся автобиографии, мемуары, личные дневники и письма и пр. [3; 5]. Второй подход связан с выделением воспоминаний в отдельный тип исторических источников (иногда как сильно обособленная часть корпуса документов и документов личного происхождения) [4; 8].

Второй подход весьма распространён. Однако, по нашему мнению, рассмотрение воспоминаний с данной позиции приводит к неминуемой утрате понимания места воспоминаний в системе исторических источников, утрате осознания взаимосвязи данного типа источников с иными подобными типами, а в итоге – и к утрате широких источниковедческих возможностей.

Воспоминания, конечно же, не являются источником, сформированным непосредственно в ходе исторического события, которое они отражают. Этот тип источников проходит сложный путь формирования, на него влияют множество внешних (в первую очередь хронологических и автобиографических) факторов, а производство их всегда происходит постфактум, что накладывает на содержание и композицию воспоминаний неизгладимый отпечаток более позднего опыта. Другими словами, воспоминания всегда описывают события из «буду-

щего», когда итог событий известен (хотя бы отчасти) и даже в некоторых случаях осмыслен, а сами «вспоминаемые» события оцениваются с позиции более позднего знания, современного моменту написания. Тем не менее воспоминания являются отражением прямого и непосредственного опыта индивида, частью его «личной» и «малой» истории.

Воспоминания, повествующие о переживаниях детства, как нестандартные исторические свидетельства в настоящее время хорошо известны и освоены современной исторической наукой. Само собой разумеется, что воспоминания взрослого человека о своем детстве всегда идеализированы, независимо от того, каким это детство было на самом деле. Тем не менее, как справедливо замечает И. В. Нарский [12, с. 57], необходимо учитывать, что, хотя воспоминания о детстве и не являются аутентичными «детскими произведениями», они представляют собой вполне полноценный исторический документ, но совершенно особого рода. По нашему мнению, ближайший по типологии документ, соотносимый с воспоминанием о детстве, – это отчет этнолога или антрополога о результатах включенного наблюдения. Разница заключается только в том, что межкультурная дистанция пролегает в анализируемом нами случае не в синхронной, а в диахронной плоскости.

Очень важно, что в отличие от мемуаров «больших людей» автобиографические воспоминания детей, бывших в оккупации в силу решений и

действий взрослых, не преследуют цель оправдать или объяснить какую-либо позицию. Содержание этого типа документов не может быть признано действительно беспристрастным и объективным. Однако важно учитывать, что главная (а иногда и единственная) мотивация респондентов заключается в данном случае в том, чтобы сообщить о своем жизненном опыте и личных переживаниях.

Как и в случае с материалами включенных наблюдений, при работе с воспоминаниями о детстве требуется своего рода корректировка, которая может быть произведена посредством соотнесения данных воспоминаний с источниками официальными, актового характера. Такое сравнение позволяет достичь объемности и максимальной объективности исторического знания об исследуемом историческом событии. Как верно отмечает историк А. К. Соколов, «нужно иметь в виду, что мысли, чувства, радости, страдания, мечты предшествующих поколений часто просто не оказываются чем-то большим, чем «смазанными следами» в исторических источниках, к тому же представленных в зашифрованной форме» [18, с. 66]. Объединяя «личное» и источники, мы получаем возможность заполнить лакуны восприятия в живой и многогранной истории.

С источниками личного происхождения, касающимися событий Великой Отечественной войны, активно работали Е. С. Сенявская [17] и И. Г. Тажиудинова [19]. Однако оба автора кон-

центрировали свои усилия в первую очередь на изучении военных дневников и фронтовых писем. Последние типы источников несомненно по ряду характеристик близки к воспоминаниям, но при этом имеют ряд значительных отличий и методология их изучения не может быть тождественна методологии изучения интересующего нас типа источников. Кроме того, документы, фиксирующие воспоминания о военном детстве, количественно значительно уступают дневниковым записям или фронтовым письмам.

Однако у заинтересовавшего нас вида текстов есть и положительные научные аспекты. Во-первых, в отличие от фронтовых писем и официальной документации, воспоминания о военном детстве оформлялись/фиксировались уже в постсоветское время, когда на авторов/респондентов не давили условия советской цензуры и соображения политической корректности того или иного высказывания. Во-вторых, детские воспоминания, отличающиеся значительной силой удержания значимых деталей, сохраняли те аспекты переживаний, которые просто не могут быть выявлены и реконструированы на основе других типов источников.

Важная методологическая черта исследования истории военного детства на оккупированных территориях – разделение, расщепление проблемного поля между двумя основными направлениями. Одно направление концентрируется вокруг изучения практик повседневности,

прежде всего, практик выживания (М. А. Рыблова [16], Е. В. Архипова [1], М. С. Носова [13] и др.).

Смысловым центром второго подхода является участие детей в социально-экономической деятельности взрослых и/или социально-экономическая и политико-правовая деятельность взрослых, направленная на детей. Так, например, Е. Ф. Кринко пишет, что довольно большое количество исследований (особенно в советский период) было направлено на освещение и популяризацию различных видов трудовой деятельности советских детей, их помощь тылу и фронту. В перечень действий такого рода входил производственный труд детей и подростков на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, на строительстве оборонительных сооружений и пр. [6]. Ко второй же группе работ, хотя и с некоторыми оговорками, входят и труды, направленные на изучение участия детей и подростков в партизанском и подпольном движениях, а также работы, высвечивающие своеобразие воспитательно-образовательной деятельности в годы войны и идеологического противостояния между советской и германской системами агитации и пропаганды за контроль над сознанием детей на оккупированных территориях [7].

Теперь мы можем рассмотреть конкретные примеры эффективного использования воспоминаний об оккупации тех, кто в годы войны был ребенком. В представленных воспоминаниях фиксируется весьма схожая кар-

тина описания начала войны. Лейтмотив – война воспринимается как внезапное, непредвиденное событие. Респонденты отмечают отсутствие организованного управления и эвакуации в самом начале войны. Но в качестве основного подкрепляющего довода этой позиции указывается низкий уровень доступности информации в силу отсутствия или ограниченного доступа к техническим средствам массовой информации. Это требует некоторой корректировки с опорой на источники иного рода.

Так, например, респондент Александра Ивановна Савина (Николаева), 1928 г. р., из крестьян села Марёво (в годы войны Ленинградская, ныне – Новгородская область, воспоминания зафиксированы в июне 2004 г.) описывает начало войны так: «У нас тогда ни электричества, ни радио не было. Но у кого-то были наушники. И в момент весть облетела всю деревню: война!» [2, с. 245].

Далее респондент отмечает, что по совету отступающих красноармейцев, проходивших через деревню, её семья предприняла попытку эвакуации. Родственники респондента погрузили скромный скарб на повозку, запряженную единственной бывшей в распоряжении их семьи лошадью, и попытались покинуть зону боевых действий. Однако эвакуация не увенчалась успехом. Семья попала под перекрёстный обстрел, паромная переправа уже оказалась разрушена. Пришлось возвращаться в свою деревню.

Переживание неразберихи и слабой информированности передает и Николай Иванович Петров (1923 г. р.), сын крестьянина, житель деревни Борщево (сейчас – территория Лужского района Ленинградской области, воспоминания зафиксированы в августе 2002 г.). Респондент вспоминает: «Когда пришли домой уже после обеда, приходим – а радио было по деревне тогда проведено – вдруг радио там говорит, что война началась (так в тексте – В. Х.). Потом вдруг наехали какие-то люди. Народу нагнали со всех деревень на лошадях. Надо, говорят, копать укрепления. Какие укрепления? Фронт еще непонятно где» [2, с. 250].

Другой респондент, Роман Петрович Синельников (1929 г. р.), из крестьян, живший на момент начала войны в деревне Жеребуд (ныне – Лужский район Ленинградской области), вспоминает (воспоминания зафиксированы в августе 2004 г.): «Потом приехал кто-то (почтальон, наверное) и объявил, что началась война. Тут сразу всех мужиков забрали, а пацаны остались. Вот мы и работали» [Там же]. Подобную картину в своих воспоминаниях рисует и Алексей Георгиевич Федоров (1930 г. р.), также уроженец деревни Жеребуд (воспоминания зафиксированы в августе того же года, что и воспоминания Р. П. Синельникова): «Война началась как раз, когда я школу окончил. Как узнали? Радио в деревне не было, но почтальон обходил. От него и узнали. Обходил пешком – какая там машина! И велосипеда в то

время никто не видел в Жеребуде» [2, с. 259]. Тут важно отметить, что А. Г. Федоров происходил, по его словам, из семьи, в годы Гражданской войны положительно принявшей Советскую власть. Сам он тоже на протяжении всего текста воспоминаний относится к Советской власти лояльно.

Упоминания о начале войны связаны не только с воспоминанием о событии, расколовшем жизни респондентов на два этапа (до и после), но и с тем, что свое положение они прямо (А. И. Савина) или косвенно (А. Г. Федоров, Р. П. Синельников) связывали с отсутствием/недостаточностью действий властей по эвакуации населения с тех территорий, которые окажутся оккупированы противником.

Красной нитью через все анализируемые воспоминания проходит указание на разительный контраст между мирной жизнью и жизнью в оккупации. При этом последняя устойчиво ассоциируется с переживанием перманентного чувства страха, иногда доходящего до чувства отчаяния, которое в тексте воспоминаний проскальзывает на уровне оговорок) (воспоминания А. Н. Петровой (Герасимовой), 1929 г. р.).

Крайне важно соотнести это общее место из воспоминаний с выводами Комиссии по изучению немецких злодеяний. В октябре 1944 года, уже после освобождения территории Лужского района Ленинградской области, комиссия зафиксировала так называемое немецкое кладбище «Для русских военнопленных». В ходе обследования

был установлен ряд обстоятельств злодеяний, совершенных оккупантами на советской территории. В документах, известных как «Материалы по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в г. Луге Ленинградской области» (1944 г.), отмечается, что на указанном кладбище, расположенном на северо-восточной окраине города Луги, захоронено не менее 11 000 человек. Казни производились в конце 1941 г. и первой половине 1942 г. На основании произведенного осмотра одежды было установлено, что на указанном кладбище погребены не только военные, но и гражданские лица. В числе захороненных были старики, дети, мужчины и женщины (возраст казнённых – от 5 до 65 лет). По состоянию всех трупов фиксировалась крайняя степень истощения [20].

Сравнение воспоминаний «сельских детей» о контрасте между довоенным и военным временем показывает не только те невзгоды, которые пришлось пережить этим людям в столь раннем возрасте, но и особенности бытовой подготовки ко взрослой, самостоятельной жизни, которая способствовала выживанию детей. Важно отметить, что все респонденты из числа тех, кому на момент начала оккупации было около 12 – 13 лет, отмечают, что обладали некоторыми профессиональными навыками и потому могли найти себе работу и хоть как-то обеспечивать себя и более младших родственников (братьев, сестер). Работали

в деревнях на оккупированных территориях прежде всего женщины и старшие дети-подростки.

Подобное становилось возможным (хотя и крайне редко) благодаря взаимопомощи и взаимной поддержке советских граждан, оказавшихся на оккупированных территориях. Например, Анна Николаевна Петрова (Герасимова) 1929 г. р. из крестьян деревни Борщево (воспоминания зафиксированы в 2002 г.) рассказывает следующее: «Мы знали, что у нашего соседа – трехлетнего Коли – отец – цыган. Да не просто цыган, а красный командир. Поэтому мы его всегда прятали, когда нацисты появлялись. Лично я прятала: помогала забраться в русскую печку и заставляла все чугунами (были у нас для этого специальные ухваты)» [2, с. 320]. И далее дополняет: «И тут мы слышим стрельбу в районе школы. Оказывается, в школе прятался партизанский руководитель» [Там же, с. 321].

Условия жизни даже в тех деревнях, которые не были уничтожены карателями, все респонденты признают ужасными. Р. П. Синельников указывает, что уже к 1943 г. жить в населенном пункте было крайне сложно (из-за зверств оккупантов) и приходилось фактически скрываться в лесу, в самодельных землянках (респондент называет их «окопами»). Вот как он описывает эти сооружения: «Окопы были такие: яма большая, сверху бревна, а потом землей засыпали. И окошечко маленькое было сделано. Там мы и жили. Зимой – нет, нет и в Мере-

во ходили или в Горушку, там с месяц пожили, а потом, перед приходом наших, опять в лес удрали все» [2, с. 250]. В конечном итоге деревня, в которой проживал респондент, была полностью уничтожена карателями. Воспоминания об оккупации заканчиваются такой фразой: «Нет деревни, все сожжено дотла» [Там же, с. 251]. Архивные документы содержат целый ряд свидетельств, подтверждающих подобное [15; 21].

Н. И. Петров передает ощущение постоянного страха, в котором он, ребенок, пребывал с самого первого дня оккупации, когда едва не погиб, случайно столкнувшись с немецким конным разъездом. Он сообщает об ужаснувших его событиях, связанных с разрушением советских сел и изгнанием мирного населения из их домов: «Потом вот к зиме немцы всех выгнали подчистую. Все на саночках ехали оттуда, и некоторые тут остались, в Оредеже» [2, с. 271]. Это ужасающее состояние становится совершенно понятным в связи с общей картиной злодеяний, совершенных оккупантами, которая вырисовывается по данным архивных документов. Например, «Акт комиссии Пантелеевского сельского совета Оредежского района по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских войск в д. Васильковичи Оредежского района Ленинградской области в период оккупации» содержит следующие показания: «Немецко-фашистскими захватчиками полностью сожжена дер. Великое Село, в дер. Хлупино сожжено 25 домов, де-

ревня Почап – 11 домов, деревня Пантелеевичи – 41 дом, дер. Щербинка – 16 домов. В пос[елке] Оредеж – 81 здание (в пос. Оредеж сожжено – здание средней и начальной школы, детсад, райветлечебница, здание жел[езнодорожной] станции, две водокачки, радиоузел, здание почты, рай[онной]сберкассы, Лензаготплодоовощторг, столовой, 2 магазина, здание райвоенкомата, райуполнаркомзага и ряд других)» [9]. Подобное же фиксируется и в ряде других документов [10].

Н. И. Петров рассказывает совершенно потрясающий и по эмоциональному накалу, и по степени невероятности случай: «И вот мы там сидели как-то, и вдруг кто-то пришел. Сперва и не поняли: какой-то мужик зашел туда, а потом кто-то говорит: “Чужой пришел”. Подошли, посмотрели: “Ты чего? Откуда ты?” А ему нехорошо. Смотрим: кровь течет. Откуда взялся такой мужик? Он говорит: “Я шел, шел и случайно на вашу деревню набрел. Меня расстреливали [немцы], а я очнулся ночью живой и пошел”». При этом это был не советский военнослужащий, а рядовой мирный житель: «Не партизаны, нет, а просто на дороге, где схватят без документов» [2, с. 273]. При этом респондент фиксирует трагическую и неоднозначную ситуацию, ярко высвечивающую двойственную ситуацию, в которой пребывало мирное советское население на оккупированных территориях. Родственник респондента вынужден был отдать сбежавшего из-под расстрела немецкой

военной администрации (в его доме на постое находились два немца, и попытка укрыть чудом спасшегося привела бы к расправе над ним самим и его семьей). Раненый был расстрелян, а сам означенный родственник (в тексте – «дядя Ваня») после войны, по словам респондента, был осужден за сотрудничество с оккупантами.

Таким образом, можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, необходимо отметить, что воспоминания повзрослевших детей, находившихся в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, позволяют выявлять важные эмоциональные и психологические подробности жизни и быта людей в подобных чрезвычайных условиях. Однако этим информативность данной группы источников вовсе не заканчивается. Некоторые нюансы воспоминаний позволяют ставить новые, расширенные вопросы о ситуации на территории Ленинградской области как в самом начале войны, так и в годы нацистской оккупации. К числу таких вопросов относятся вопросы о технологиях информирования населения, организации эвакуации людей и имущества (колхозное имущество, по воспоминаниям респондентов, не было эвакуировано и досталось немцам).

Во-вторых, с точки зрения информативности воспоминаний такого рода можно отметить доступность проверки описываемых событий, их свободное сопоставление с документами актового характера. Последнее

дает нам более объемное представление о подлинной, реальной жизни советских граждан на оккупированных территориях. Мы видим прямое и взаимное дополнение документов актового характера и воспоминаний. Первые позволяют не только верифицировать

данные вторых, но и систематизировать их, помещать в широкий событийный исторический контекст. Вторые позволяют «оживлять» первые, вскрывая глубинные историко-антропологические изменения жизни в экстремальных условиях.

Библиографические ссылки

1. Архипова Е. В. Сталинградцы в Белой Калитве: практики выживания детей // Значение сражений 1941 – 1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне : материалы Всерос. науч. конф., Ростов н/Д., 3 – 6 июня 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 192 – 199.

2. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий). СПб., 2005. 374 с.

3. Бурова Е. М. Терминология в сфере работы с документами личного происхождения // История и архивы. 2017. № 3 (9). С. 29 – 45.

4. Григорьева Г. Н. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126 – 130.

5. Кринко Е. Ф. Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 8 – 24.

6. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941 – 1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 34 – 54.

7. Кудинов В. А. Детское движение по обе стороны фронта // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 1. С. 160 – 165.

8. Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 2. С. 229 – 239.

9. Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (ЛОГАВ). Ф. Р-351. Оп. 1. Д. 148. Л. 119-119 об.

10. ЛОГАВ. Ф. Р-351. Оп. 1. Д. 145. Л. 51-52

11. ЛОГАВ. Ф. Р-351. Оп. 1. Д. 145. Л. 225-226.

12. Нарский И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск, 2008. 515 с.

13. Носова М. С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 2. С. 58 – 61.
14. Ромашова М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3 (20). С. 172 – 178.
15. Российский государственный архив социально-политической истории Санкт-Петербурга (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1117. Л. 16. (Фотография, фотограф М. А. Трахман).
16. Рыблова М. А. Территория детства в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4 (28). С. 37 – 50.
17. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1 – 2 (14).
18. Введение. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А. К. Соколов [и др.]. М., 2004. С. 4 – 71.
19. Тажиудинова И. Г. Практики адаптации к фронту советских военнослужащих 1941 – 1945 гг. // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 42 – 57.
20. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 131. Л. 22.
21. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 131. Л. 22.

V. K. Khazov

**THE SITUATION OF CHILDREN IN THE OCCUPIED TERRITORIES
OF THE LENINGRAD REGION IN 1941 – 1944: THE SCIENTIFIC
POTENTIAL OF MEMORIES AS A HISTORICAL SOURCE¹**

The article examines the nuances of the situation of children in the occupied territories of the Leningrad region in the period from 1941 to 1944 from the standpoint of analyzing the content and textual features of the memories of the children themselves who survived the occupation. The author concludes that the memories of the "children of occupation" have a significant potential for the study

¹ This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189 (<https://rscf.ru/project/22-28-20189/>); by the grants the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.

of military everyday life, the living conditions of Soviet citizens (not only children and adolescents) in the occupied territories, being included in a comprehensive study.

Keywords: occupation, children, ego-documents, source studies, source potential, the Great Patriotic War.

УДК 35

О. А. Чернов

НОВАЯ ДИСКУССИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ (РЕЦЕНЗИЯ)

Рецензия посвящена осмыслению роли гвардии в современных общественно-политических процессах, в решении задач по укреплению обороноспособности нашей страны, что требует обращения к ретроспективному анализу различных аспектов ее многолетней истории. Всероссийский межвузовский круглый стол, состоявшийся 24 сентября 2021 г. в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), стал ярким и интересным событием, которое отвечает на актуальные вопросы этой крупной научной проблемы.

Ключевые слова: российская гвардия, Российская империя, СССР, патристическое воспитание.

Проблемы появления и исторические этапы развития российской гвардии являются одним из наиболее интересных проблем историографии. Они помогают раскрыть роль гвардейских частей в политических и военных событиях XVIII – XX столетий. В России имперского периода представители гвардии выполняли не только боевую функцию, но и становились политической опорой престола, неоднократно влияя на исход придворной борьбы. Известны факты службы дипломатов в гвардии и участия их в боевых действиях [21]. Будучи элитарным воинским соединением, гвардия как бы являлась флагманом воинско-

го духа империи, устанавливая гласные и негласные формы и регламенты внутрикорпоративной организации военных. В советское время гвардейская идея обрела новое звучание и воплощение. Гвардейские части стали эталоном доблести, мужества и верности воинскому долгу. Современная российская гвардия продолжает славные традиции своих предшественников. Она сохранила лучшие принципы боевого братства, а также привнесла в это высокое понятие новое, современное содержание. Осмысление роли гвардии в современных общественно-политических процессах, в решении задач по укреплению обороноспособ-

ности нашей страны невозможно без обращения к ретроспективному анализу различных аспектов ее многолетней истории. Поэтому Всероссийский межвузовский круглый стол, состоявшийся 24 сентября 2021 г. в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), стал ярким и интересным событием, которое отвечает на актуальные вопросы этой крупной научной проблемы. По итогам круглого стола был опубликован сборник докладов и сообщений. [15]. Он является яркой страницей в новейшей отечественной историографии по изучению широкого круга вопросов военной истории. Авторами сборника выступили историки из московских, петербургских и ряда региональных образовательных и научных центров. В орбиту их интересов попал широкий по хронологии и проблематике пласт проблем заявленной темы.

Структурно сборник сформирован по хронологическому принципу. В статье Э. А. Минаковой и Д. С. Чернонога [8] изучены ключевые аспекты начального периода формирования русских гвардейских полков. Авторы показали, что дворянская молодежь петровского времени считала гвардию почетным и престижным видом службы. При усердии она открывала карьерные перспективы и позволяла добиться расположения монарха. В свою очередь, верховная власть чувствовала в гвардии опору для трона. И, как показала эпоха дворцовых переворотов, именно гвардейская поддержка обеспечивала перевес противоборствующим

сторонам. Лишь в XIX столетии, когда в самодержавной модели доминирующее положение заняло бюрократическое начало, гвардия утратила былое военно-политическое значение. Однако служба в гвардейских полках по-прежнему оставалась желанной для большинства российских офицеров.

Интересным, но малоизученным вопросам изучения действий гвардейских частей в период революционных событий 1917 г. посвящены статьи В. Ж. Цветкова о гвардейских полках в революции и Гражданской войне [19], А. Н. Гребенкина о Собственном Его Императорского Величества конвое в системе императорской охраны 1881 – 1917 гг. [2], П. И. Шестопалова о статусе лейб-гвардии Семеновского полка в 1918 г. [22], а также С. Т. Минакова и Н. А. Князева о социально-психологических аспектах мировоззрения бывшего гвардейского офицера М. Н. Тухачевского [7]. Драматический конец российского монархического строя и установление Советской власти в 1917 г. кардинальным образом изменили положение гвардейской элиты. В той ситуации власти уже не могли рассчитывать на нее, как, к примеру, во время Первой русской революции. Более того, в судьбоносные февральские дни 1917 г. позиция гвардии во многом предопределила свержение самодержавия. Гвардейские части уже не были той надежной опорой для верховной власти. Ослабление авторитета власти на местах, утрата контроля над происходящим к началу 1917 г. в целом по

России предопределили негативное восприятие ситуации военными [5]. В подобных условиях события Февральской революции развивались и во многих регионах страны [10].

В дальнейшем гвардия Советских Вооруженных Сил возродилась в ходе героического участия Красной Армии в боевых операциях Великой Отечественной войны. Очень быстро практика присвоения почетных наименований «гвардейские» распространилась практически на все рода войск и продолжалась всю войну. Важным аспектам истории гвардии в этот период посвящены статьи: В. М. Арутюняна о создании народного ополчения Ленинграда [1]; М. С. Полянского об особенностях психологической подготовки военнослужащих во время битвы за Москву [13]; А. В. Черепанова, исследовавшего рождение советской танковой гвардии в боях за Орел [20] и др. МПГУ, ставший организатором круглого стола, также вписал свое имя в историю советской гвардии. Многие работники и студенты МГПИ им. В. И. Ленина сражались на фронтах Великой Отечественной войны в гвардейских частях. Данным сюжетам посвящена статья М. Я. Салоникуса [16], который на материалах архива Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина изучил особенности службы его студенток в гвардейских авиационных полках. В материале А. Е. Хлудова [18] на основе ранее неизвестных архивных документов проанализирована биография бойца народного ополчения,

впоследствии видного педагога и дипломата Н. Д. Кузнецова. Действительно, в МПГУ, особенно при действенной поддержке университетского руководства, ведется большая работа по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения [11].

Наконец, сборник отражает и современное звучание института гвардии в России. Вооруженные силы Российской Федерации продолжают славные традиции гвардейских воинских соединений, выполняя сложный и обширный комплекс задач по защите нашей Родины и ее рубежей. В статье С. Д. Половецкого дается обзор истории присвоения гвардейских почетных наименований частям и соединениям российских вооруженных сил в постсоветский период [12]. Материал С. О. Коноваловой освещает проблемы развития военно-поискового движения, которое на современном этапе реализует задачи сохранения исторической памяти и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения [4]. Проблемы сохранения образов фронтовиков-гвардейцев в музейном пространстве обозначены в статье А. С. Рогожиной и А. Р. Кузьмичевой [14].

Впрочем, вопросы, обсуждавшиеся на круглом столе и отраженные в публикациях его участников, могли бы быть расширены за счет изучения широкого круга ярких персоналий, представлявших российскую гвардию на разных исторических этапах. В числе тех, кто прошел гвардейскую службу, было немало выдающихся отечественных военных деятелей. Вне пред-

мета обсуждения остались также важные вопросы военной истории. Российская гвардия неразрывно связана со многими ее славными страницами. Например, трудно представить войны, которые вела Россия в XVIII столетии, Отечественную войну 1812 года играничные походы русской армии 1813 – 1814 гг. и другие без подвигов гвардейцев. Вместе с тем широкий временной и проблемный охват столь глубокой темы обуславливает необходимость магистрального анализа роли гвардии в судьбе российской государственности в целом и ее роли в переломные моменты российской истории. Сегодня широкая аудитория специалистов продолжает дискутировать относительно качественной оценки роли военного

фактора. Особенно это важно для исследования внутри- и внешнеполитических процессов в периоды революционных событий [6].

В целом рецензируемое издание является хорошим примером обсуждения предварительных результатов исследований специалистов из разных регионов, которые изучают важный комплекс вопросов отечественной военной истории на макро- и микроуровнях. Несомненно, поиск ответов на многие малоизученные сюжеты истории российской гвардии подтолкнет к продолжению исследований становления и развития одного из важнейших военно-политических институтов Российской империи, Советского Союза и современной России.

Библиографические ссылки

1. Арутюнян В. М. Бессмертная слава и священная память: к 80-летию создания народного ополчения Ленинграда // Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 56 – 62. EDN CUQTIU.
2. Гребенкин А. Н. Собственный его Императорского Величества конвой в системе Императорской охраны (1881 – 1917 гг.) // Там же. С. 18 – 22. EDN ZWFGCB.
3. Запорожцева С. В., Темчук Е. И. «Вяземский котел» – проигранная победа вермахта // Там же. С. 82 – 87. EDN ZUNXDX.
4. Коновалова С. О. Из истории военно-поискового движения современной России // Там же. С. 115 – 123. EDN HTLNHA.
5. Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 62 – 73. EDN SVKKGJ.
6. Минаков А. С. Российская революция и армия: продолжение разговора // Российская история. 2022. № 3. С. 223 – 227. DOI 10.31857/S0869568722030190. EDN FYDNZX.

7. Минаков С. Т., Князев Н. А. «Откровение» подпоручика лейб-гвардии // Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 46 – 55. EDN ZIWP MV.

8. Минакова Э. А., Черноног Д. С. Первые шаги Российской гвардии на рубеже XVII – XVIII вв. // Там же. С. 10 – 17. EDN LRFKAO.

9. Михальцов Н. Г., Ченцов А. С. Войска НКВД СССР в обороне Москвы // Там же. С. 72 – 81. EDN MVKFWL.

10. Петровичева Е. М. 1917 год во Владимирской губернии: власть, общество, человек [Электронный ресурс] // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2019. № 5 (79). URL: <https://history.jes.su/s207987840002527-8-1/?ysclid=14sw3vhduz827351804> (дата обращения: 01.09.2021).

11. Половецкий С. Д., Петровичева Е. М., Минаков А. С. «История – это не застывшая наука, а вечная жизнь, это самая живая из всех наук»: к 60-летию Алексея Владимировича Лубкова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 3 (27). С. 7 – 15.

12. Половецкий С. Д. Гвардия вооруженных сил Российской Федерации // Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 107 – 114. EDN OBPTDS.

13. Полянский М. С. К 80-летию Московской битвы: особенности формирования морально-психологической устойчивости военнослужащих и населения к защите Москвы // Там же. С. 63 – 71. EDN ZSANAX.

14. Рогожина А. С., Кузьмичева А. Р. Память о подвигах фронтовиков-гвардейцев в экспозиции Орловского краеведческого музея // Там же. С. 124 – 129. EDN NLTQRT.

15. Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) [Электронный ресурс] : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. 130 с. ISBN 978-5-4263-1066-7. DOI 10.31862/9785426310667. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47965040> (дата обращения: 01.09.2021).

16. Салоникес М. Я. Женщины в гвардейских полках ВВС СССР в годы Великой Отечественной войны (на примере студенток Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина) // Там же. С. 94 – 101. EDN IZPDJP.

17. Салоникес М. Я., Половецкий С. Д. Предисловие // Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 4 – 9. EDN QTFAUR.

18. Хлудов А. Е. Николай Дмитриевич Кузнецов – профессор МГПИ им. В. И. Ленина: биография ополченца // Там же. С. 102 – 106. EDN ZKBOIH.

19. Цветков В. Ж. Гвардейские полки в революции и гражданской войне, 1917 – 1920 гг. // Там же. С. 37 – 45. EDN UMGТJB.

20. Черепанов А. В. Катуков против Гудериана: рождение советской танковой гвардии в боях за Орел // Там же. С. 88 – 93. EDN LJWWCN.

21. Чернов О. А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова : монография. Самара : Изд-во ПГСГА, 2010. ISBN 978-5-8428-0766-6. EDN QPQDQD.

22. Шестопалов П. И. К вопросу о статусе лейб-гвардии Семеновского полка зимой – весной 1918 г. // Российская гвардия: история и современность (к 80-летию советской гвардии) : материалы межвуз. круглого стола, М., 24 сент. 2021 г. / Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики МПГУ, Дирекция изучения истории МПГУ. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 30 – 36. EDN IAHMIT.

O. A. Chernov

NEW DISCUSSION ON THE HISTORICAL ROLE OF THE RUSSIAN GUARD (THE REVIEW)

The review is devoted to the understanding of the role of the Guard in modern socio-political processes, in solving problems to strengthen the defense capability of our country, which requires an appeal to a retrospective analysis of various aspects of its long history. The All-Russian Interuniversity Round Table held on September 24, 2021 at the Moscow Pedagogical State University (MPGU) was a bright and interesting event that answers topical questions of this major scientific problem.

Keywords: Russian Guard, Russian Empire, USSR, patriotic education.

**ДЕЛО КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ
И СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО**

Рассматриваются стихи О. Седаковой и С. Стратановского, посвященные делу Кирилла и Мефодия и наследию этого дела в русской и мировой культурах. Доказывается, что эти поэты осмыслили прежде всего создание школой Кирилла и Мефодия литургической поэзии и средств выражения догматических содержания в церковнославянском языке. Воспроизводя сложные фигуры церковнославянской поэзии, эти поэты уточняют следствия дела Кирилла и Мефодия для распространения догматических и нравственных норм христианства, становления аскетики и мистики в славянском мире.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий, кириллица, православная миссия, литургический текст, христианское единство.

Образ Кирилла и Мефодия не мог миновать современную русскую поэзию по нескольким причинам. Во-первых, современная поэзия, критически и несколько отстраненно относящаяся к прежним жанровым и речевым традициям, особенно внимательна к составу самого современного поэтического высказывания: отношению устного и письменного начал, визуальному облику букв, звучности и графической организации всего текста. В наиболее радикальных формах последнего полувека такое внимание ведет к экспериментам в области визуальной поэзии, когда стихосложение сопоставляется со словосложением и раскрывается потенциал кириллицы как совокупности букв, позволяющих делать графические узоры одновре-

менно с выстраиванием слов, предложений и образов. Но и в менее радикальных формах чувствительность к письменному облику устного слова ради собирания всего поэтического мира выразительным уже по своему облику письмом очень высока. Настоящее звучное слово, слово славянских языков требует продуманной до ясности письменности – здесь характерно название книги Алексея Парщикова «Cyrillic light» (1995), что можно перевести и технически (как «тонкий кириллический шрифт»), и лирически (как свет, исходящий от дела Кирилла и Мефодия).

Во-вторых, дело Кирилла и Мефодия оказывается очень близко к задачам, которые начала ставить литература в разных странах в XX веке: со-

здание новых культурных и языковых миров. Иногда эти миры могут пониматься как виртуальные, но чаще это миры вещей, доступных рассмотрению, на которые и направлено индивидуальное и коллективное сознание, такие как язык, культура, внутренняя жизнь, – как мы говорим «внутренний мир», «художественный мир» или «мир искусства». Поэт уже не следует совокупности жанровых и стилевых условностей и возможностей, но пересоздает язык, поэтическую речь, сами формы высказывания как организованный мир, законы которого позволяют лучше понять правила нашего привычного бытия, наши возможности здесь и сейчас. И здесь Кирилл и Мефодий, создавшие по византийскому образцу новый язык, передавшие существовавшие в Византии способы выражения христианской культуры в новом, прежде не бывшем языке, оказываются примером такого создания миров. Они работают не внутри жанров или отдельных традиций, но раскрывают глубинную возможность речи вместить истины христианского откровения и порядок христианской жизни.

В-третьих, Кирилл и Мефодий оказываются авторами – изобретателями алфавита и языка; не создателями отдельных решений в области перевода, а изобретателями самих способов нового словесного выражения. Создание алфавита тогда – это поэтическое творчество, предвосхищающее множество новых поэтических решений, множество способов передать и вос-

произвести чужое содержание самым удачным образом, пользуясь полностью готовыми инструментами письма и выразительности. Именно поэтому изобретение букв и буквалистский перевод неотделимы в деле Кирилла и Мефодия как создание такой палитры, запаса выразительности для настоящего переживания богословских истин.

Такое дело вполне отвечает модернистской и неомодернистской поэтике, где появляется понятие поэта для поэтов, поэта, своими экспериментами вдохновляющего других поэтов, каким был Хлебников для Маяковского, обэриутов и отчасти поэтов-шестидесятников. Но это не противоречит и постмодернистской поэтике, где отдельное произведение, артефакт не так существенны в сравнении с системой обоснования артефакта или его деконструирующего оспаривания. В постмодерне структуры, в том числе структуры производства и восприятия, становятся предметом теоретического рассмотрения, тогда как отдельные произведения и жанровые традиции понимаются как частные следствия структур.

Кирилл и Мефодий в такой перспективе, если представить их дело наглядно как единое в своих основаниях и последствиях, создают структуру дважды: сначала как алфавит, универсальный способ комбинирования элементов нового письменного языка, а затем как специфический литургический язык, насыщенный семантически и усложненный синтаксически. Такой новый язык, как совокупность средств

выражения, порождает много и новых привычек словоупотребления, и идиом, и поэтически неожиданных способов говорить о догматической и нравственной реальности христианства. Тем самым дело Кирилла и Мефодия – это поэтическое дело, если понимать под поэзией умение изобрести средства не только для текущей мысли, но и для будущего выразительного переживания, предвосхитить сам способ, которым переживут христианские истины будущие поколения.

Греческий ученый Антоний-Эмилий Тахиаос понимает дело Кирилла и Мефодия прежде всего как создание школы особого типа, где нормы передачи образования неотделимы от норм святости, следования святым образцам [6]. На множестве примеров Тахиаос доказывает, что Кирилл и Мефодий создали полноценную образовательную систему, в которой перевод текстов с греческого на славянский был неотделим от созерцания истин христианства и следования этим истинам в жизни, так что славянский язык и изобретался как литургический, прямо указывающий своим строем, вслед за речью византийской литургической поэзии, как требуется переживать благочестие и как соотносить эпизоды своей жизни с догматическим содержанием христианства.

Исследователи обычно сближают дело Кирилла и Мефодия и кириллическую традицию, подразумевая здесь под наследованием раскрытие всего потенциала кириллицы – графического, звукового, частотного – для

образования слов русского языка и русской поэзии. И. Ионова выделяет условно линию Иосифа Бродского и линию Андрея Вознесенского в отношении к кириллице, к ее графическим особенностям, отличающим ее от латиницы [1]. Если Бродский усматривает в особых кириллических буквах картинки (например, в букве У узнает утку), то Вознесенский, наоборот, схематизирует буквы: скажем, букву В сближает с восьмеркой и знаком бесконечности. При этом Бродский явно внимателен к тому, чтобы рассмотреть дальние пейзажи, увидеть ту же птицу издали, тогда как Вознесенский, наоборот, вблизи видит, как губы, произнося «в», расширяют кольцо, тем самым усиливая это чувство полноты и бесконечности. Но мы посмотрим, как осмысляется дело Кирилла и Мефодия как литургическая задача, задача исповедания веры при основательном умении словесно обозначить содержание веры и нравственные следствия из этого содержания, по отношению к которому буквы – только один из моментов такого большого исповедания.

В лекции «Церковнославянский язык в русской культуре» Ольга Седакова объяснила дело Кирилла и Мефодия как создание церковных обычаев для славян, выраженных в языке: «...это язык, созданный в Церкви и для Церкви» [3]. Пользование церковнославянским языком – не только усвоение смыслов, не только понимание отдельных вещей и высказываний, но вхождение внутрь церковной жизни, внутрь литургического восприятия ре-

альности. В статье «Наш ответ Кириллу и Мефодию» [4] Седакова говорит, что настоящим ответом святым братьям было бы внимание ко всем слоям, словоупотреблениям и содержаниям современного русского языка. Кто знает хорошо диалекты, кто понимает и русскую поэзию XIX века, и дворянские обычаи, и фольклорные свадебные песни, и термины современной науки, тот продолжает дело Кирилла и Мефодия, потому что не следует за готовыми формулами языка, за какими-то «идолами» упрощенной мысли, но пользуется богатствами языка свободно и ответственно. Такой человек правильно поймет литургические и аскетические тексты, раскрывая за отдельными понятиями спасительные ситуации, которые и ведут душу к спасению.

Седакова прямо обратилась к делу Кирилла и Мефодия в написанной в начале 1980-х годов «Горной оде» [2, с. 8 – 12], произведении, создающем многочисленными географическими и этнографическими намеками общий образ христианской Европы, не разделенной эгоизмом и расколами: наследие православия, а также близкого православия по аскетикомистическим и гражданским устремлениям чешского гуситства, как и рейнской мистики и германского благочестия эпохи барокко, оказывается равно необходим всему христианскому миру; без каких-либо из этих составляющих христианский мир неполон. Центральный мотив этой оды – восхождение в Альпы, которые мыслятся как место встречи с духовной чистотой,

благодаря чему и становится слышно чистый голос вещей и могут прозвучать в полный голос истины христианства. В одной из строф этой оды [2, с. 9] церковнославянский язык прямо сопоставляется с невыразимым языком небесного милосердия:

Скажи, скажи на языке Кирилла
или на том, какого не бывало,
как снисхождение с нами говорило
и небо прятало, как покрывало.
Есть имена, похожие на чины.
Они живут, как колокол в ущелье,
как непонятной верности причины
и как игра, не знающая цели,
когда она летит одушевленно
на свет сторожевого легиона.

Сложное сочетание образов в этой строфе подчинено общей идее чина, строя и иерархии. В этих словах явно читаются отсылки к таинственному учению Ареопагитик об ангельских чинах, воспевающих божественные имена, и без знания этого учения невозможно до конца понять образы строфы. Для понимания этих строк нужно учесть, что чины ангелов в Ареопагитиках передают друг другу божественный свет, свет земной оказывается лишь слабым прообразом небесного света, сами ангелы могут быть названы одушевленными светильниками, а в русском языке можно говорить про «игру света», что «свет играет». Тогда получается, что язык Кирилла и Мефодия создает избыток смыслов, способный выразить сразу несколько идей об ангелах: (1) что они

верные стражи Господа, хотя их верность для нас непостижима, непонятна, (2) что само устройство небесных иерархий передает божественную волю, чтобы все ходили и действовали в свете, наконец, (3) что движение ангелов бестелесно и стремительно, и мы можем его разглядеть только если смотрим ввысь как из ущелья, в особом духовном порыве.

Ключевым словом в этой строфе следует признать «снисхождение». Это слово можно прочесть и как церковнославянское, и как русское: у Седаковой это частый прием игры языковыми и стилистическими регистрами, двоякой раскодировки, наследующий Пушкину, столь же увлеченно игравшему различием значений одного и того же слова в церковнославянском и в русском языках (например, в послании Вяземскому: «В глуши, измучась жизнью постной...»). Если понимать снисхождение по-церковнославянски, то это будет описание небесной иерархии как идущей сверху вниз, строгое богословское определение, как движутся ангелы и как устроены ангельские небеса. Если то же самое слово прочесть по-русски, то оно будет означать снисходительность, устойчивое сочувствие. Но оба эти понимания строя, как небесных чинов и как устойчивости милосердного отношения, смыкаются в едином понятии стройности, которое и поддерживает поэтическую гармонию самого стиха. Тем самым дело Кирилла и Мефодия продолжается в поэзии: создание строя букв, порядка букв находит продолже-

ние в стройных богословских утверждениях, а они, в свою очередь, вдохновляют стройные и продуманные строки «Горной оды».

Совсем иначе наследие Кирилла и Мефодия предстает в стихах Сергея Стратановского. Осевые темы его поэзии [5], такие как горе народа, власть кривды на земле и гонение на правду, жестокость исторического опыта от античности до современности, сохраняются и в разговоре о святых братьях. Одно из самых выразительных стихотворений поэта противопоставляет дело Кирилла и Мефодия, равноапостольных миссионеров, и нашу современность, где вроде бы все читали лучшие книги, но не могут ответить на вопрос, как уменьшить зло в мире сем [5, с. 71]:

Азбуку монахов-славянолюбцев
Буквы знакомые с детства
Буквы спрошу, хор кириллицы
Отчего так злосчастны, спрошу
Люди нашей земли
Те, кому вы несли
Свет в озябших ладонях.

Образ озябших ладоней сразу ставит Кирилла и Мефодия в один ряд с такими просветителями наших краев, как Стефан Пермский и Макарий Глухарев, с миссионерами, чьи руки зябли в зимних экспедициях. При этом перспектива стихотворения – советское детство, советский букварь, в котором никаких намеков на христианство не допускалось. Это советское детство указано и словом «хор», которое сразу

напоминает о хоровом пении в первом классе и праздниках, таких как прощание с букварем, где первоклассники могли выходить с разными буквами.

Но поэт обращается со своим призывом к самим буквам: именно из кириллических букв должен сложиться ответ на вопрос, почему люди несчастны. С. Стратановский сам себя считает продолжателем Н. Некрасова, поэтому одна из его недавних поэтических книг называется «Молотком Некрасова», и он ставит часто те же вопросы, что и в поэме «Кому на Руси жить хорошо». К Некрасову отсылают строки «Люди нашей земли / те, кому вы несли», подражающие и типичному для Некрасова трехсложному размеру, и его образности, создаваемой простыми словами, и синтаксису с частым употреблением относительных местоимений. Только ответить на это должны сами буквы, как бы вся русская литература, но после тяжелых испытаний смиренно умалившаяся до букв.

Стихи Стратановского построены не менее изощренно, чем стихи Седаковой. Иконическую организацию текста мы видим с первых строк: начальные их буквы – А и Б; тем самым строй стихотворения сопоставляется со строем алфавита и идеей азбуки, в том числе школьной. При этом Кирилл и Мефодий названы не по имени, а описательно, как «монахи-славянолюбцы», их имена оказываются загаданы, что сразу подводит к главной теме стихотворения: буквы, слова, сюжеты и целые тексты не столько обозначают происходящее,

сколько загадывают житие, житие боголюбивых проповедников или житие современных исповедников и страдальцев. Это вполне отвечает идее Тахиаоса, что школа Кирилла и Мефодия – школа написания житий, начиная с житий самих равноапостольных братьев, и в этом искусстве сходятся возможности молодого языка, юной речи с кратким указанием на действительные следствия благочестия.

Но также и завершающая строка отмечена звукописью: в словосочетании «в озябших ладонях» звучно обозначает себя «я» как последняя буква современного русского алфавита. Изысканность такого построения обязана тому, что С. Стратановский – прекрасный знаток античной поэзии и риторики, мастер антитетических конструкций и емких символов, которые в духе античной эпиграммы дополняют основной сюжет, показывают, что всё может вместиться в малый объем поэтического произведения. К античному наследию принадлежит и *хиазм*: употребление слова «спрошу» как бы зеркально относительно раздела двух строк. Хиазм всегда вносит в высказывание дополнительную динамику, оживляет статическую конструкцию – здесь мы как бы сразу встречаемся с историями несчастных людей. Стратановский прежде всего говорит, что литература не может сделать людей счастливыми, самое большее – может рассказать о причинах их несчастий, тогда как дело Кирилла и Мефодия было не только в том, чтобы создать письменность, но и в том, чтобы

научить всех несчастных говорить о своих несчастьях, исповедоваться, выражать в словах пережитое и тем самым соотносить свою жизнь с нормой евангельского идеала.

Другое стихотворение Стратановского [5, с. 165] создает образ русского языка как сени того дерева, которое вырастили Кирилл и Мефодий. В этом стихотворении упоминаются особенности современного русского языка, такие как наличие деепричастий и распространенность звука *щ*:

Под ветвями словесными,
в сени зеленой, древесной
Прячутся деепричастия –
ящерицы языка
Рыщут, мигая чешуйками,
с золотыми играючи змейками
В многотравьи [многотравье]
причудливом,
в чаще по имени Ща.

Понятие «словесный» можно прочесть двояко, по-церковнославянски и по-русски. Если по-русски это будет означать «относящийся к словесности», принадлежащий литературе, то по-церковнославянски «словесный» – это прежде всего разумный, понятливый, понимающий, требующий усилий мысли или позволяющий понимать богословскую истину. Отсылка к букварю здесь тоже есть: в последней строке – к правилу «ча-ща пиши с а», которое изучают в первом классе. Но если понимать это стихотворение как посвященное делу Кирилла и Мефодия, то смысл таков: грамотное написание, не-

смотря на всю причудливость правил русского языка, многотравье, и позволяет грамматическим категориям раскрывать свой семантический потенциал, дает возможность правильно порождать значения.

В качестве примеров деепричастий даны обе грамматические деепричастные формы: на *-я* и на *-ючи*: *мигая* и *играючи*. Тем самым деепричастие понимается как способ отнестись к действию менее напряженно, чем в обыденной жизни: не случайно в стихотворении упоминаются ящерицы и золотые змейки, отсылающие к чистой игре зрения, как змейки в «Золотом горшке» Э. Т. А. Гофмана или образы символистской эпохи. Это стихотворение утверждает дело Кирилла и Мефодия как создание гибкого русского синтаксиса, способного выразить оттенки мысли и тем самым преодолеть привычный автоматизм быта. Другое дело, что сама эта гибкость становится загадочной, причудливой, экзотической, так что необычная фонетика (необычная для носителей греческого языка) свойственна окончаниям необычных грамматических форм. Таким образом Стратановский показывает и самостоятельное развитие русского языка, причудливость, сложность русской истории, которая дала свои образцы святости и свои образцы поэзии.

В итоге в современной русской поэзии дело Кирилла и Мефодия уже осмысливается в его церковной литургической полноте. Благодаря равноапостольным братьям по-церковнославянски зазвучали изысканно по-

строенные, насыщенные фигурами и перекличками произведения литургической поэзии. Седакова, благодаря прекрасному знанию литургической поэзии и церковнославянского языка, и Стратановский как знаток античной риторики, к которой в своих внешних формах и восходит литургическая поэзия, смогли быть конгениальны делу святых равноапостольных братьев. При этом Седакова смотрит на него из перспективы истории христианства, значения этого дела для всего христианского мира, а Стратановский – из перспективы истории литературы и истории культуры, показывая, как рождается житие, повесть о страдании, а не как оно создает новые формы

жизни и благочестия прямо сейчас. Хотя задачи двух поэтов различны, но для того чтобы понять и истолковать их произведения, нужно знать, как устроен тропарь и акафист, каковы предпосылки христианской аскетики и христианской мистики. Только сопоставив эти содержания с размышлениями поэтов, мы поймем до конца ими сделанное.

В основу статьи положен доклад «Дело Кирилла и Мефодия в современной русской поэзии» на XIV Международной научной конференции «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование» (ВлГУ, Владимир, 12 мая 2022 г.).

Библиографические ссылки

1. Ионова И. Образ и образы кириллицы в русской поэзии // Русин. 2005. № 2. С. 187 – 196.
2. Седакова О. А. Врата. Окна. Арки. Париж : Умса-Press, 1986. 128 с.
3. Седакова О. А. Наш ответ Кириллу и Мефодию [Электронный ресурс] // Православие и мир. 2015, 24 мая. URL: <https://www.pravmir.ru/olga-sedakova-nash-otvet-kirillu-i-mefodiyu/> (дата обращения: 01.05.2022).
4. Седакова О. А. Церковнославянский язык в русской культуре. Актовая лекция [Электронный ресурс] // Персональный сайт О. А. Седаковой. URL: <https://www.olgasedakova.com/dictionary/136> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Стратановский С. Г. Тьма дневная. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 186 с.
6. Тахиаос А. Э. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. 396 с.

**THE ACTIVITY OF CYRIL AND METHODIUS IN THE POETRY
OF OLGA SEDA KOVA AND SERGEI STRATANOVSKY**

I consider the poems of O. Sedakova and S. Stratanovsky dedicated to the acts of Cyril and Methodius and the legacy of this case in Russian and world culture. I prove that these poets comprehended the development by the school of Cyril and Methodius of liturgical poetry and means to express doctrine in the Church Slavonic language. Reproducing and imitating the complex figures of Byzantine and Church Slavonic poetry, these poets clarify the effect of Cyril and Methodius' project for the spread of dogmatic and moral norms of Christianity, the formation of asceticism and mysticism in the Slavic world.

Keywords: Cyril and Methodius, Cyrillic, Orthodox mission, liturgical text, Christian unity.

УДК 811.161.1'37

Е. Ю. Муратова

К ВОПРОСУ О КАЛЬВИНИЗМЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье кратко раскрываются биография Ж. Кальвина и основные доктрины кальвинизма. За основу утверждения кальвинизма в творчестве М. Цветаевой взято мнение И. Бродского о ее творчестве: «кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного Суда». В статье доказывается специфика ценностных ориентаций и установок, выраженных в творчестве М. Цветаевой. Способ восприятия ею мира и своего места в нем, высочайшие требования к себе и близким по меркам своих духовных высот, интуитивное ощущение высшей справедливости – все это «высвечивает» кальвинизм в ее творчестве, говорит о человеке, постоянно творящем над собой высший суд.

Ключевые слова: кальвинизм, поэзия, творчество, духовность, быт, мещанство.

Кальвинизм – религиозное направление, основанное в Швейцарии в XVI в. Жаном Кальвином (1509 – 1564).

Сам Ж. Кальвин рос робким ребенком, но очень рано проявил незаурядные умственные способности, недетское трудолюбие, удивительное

для подростка прилежание и послушание. Его уважали учителя и не любили одноклассники. «Его сдержанность, нелюдимость, строгий нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали их, вызывали к нему неприязнь. Они мстили своему обличителю насмешками и за склонность к обвинениям дали ему ироническое прозвище “винительный падеж”» [3, с. 172 – 173].

Благодаря своему сильному характеру, целеустремленности, специфическому мировоззрению, Ж. Кальвин достаточно быстро стал богословом (с 18 лет он уже читал проповеди в церковном приходе), юристом, проповедником, отрекся от католической веры, создал новое религиозное направление – кальвинизм.

Это был незаурядный, образованный, независимый человек, фанатично верящий в то, что проповедовал. Он владел древнегреческим, древнееврейским и латинским языками, прочитал более двух тысяч проповедей, каждая из которых длилась более часа, и при этом он не использовал никаких подготовительных записей; его сочинения составляют 57 томов.

За религиозные убеждения Ж. Кальвина преследовали французские власти, поэтому он бежал в Швейцарию, где проявил себя во всю мощь своих убеждений, религиозных взглядов и нетерпимого характера. Ж. Кальвин был ярким сторонником конкретной модели устройства государ-

ства, а именно: государство должно быть полностью подчинено церкви. Уже в 32 года он стал фактически диктатором Женевы, подчинив светскую власть протестантской церкви. Вот что о его религиозном и духовном правлении пишет Б. Д. Порозовская: «В протоколах совета мы находим целый ряд самых строгих взысканий за сравнительно незначительные проступки. Так, например, азартный игрок выставляется у позорного столба с картами, привязанными к шее. Молодая женщина, явившаяся в церковь с завитыми по-модному волосами, присуждается к тюремному заключению на несколько дней, и вместе с ней и парикмахерша, убивавшая её голову. Запрещается всякая роскошь в костюмах, шумные публичные увеселения, танцы, употребление непристойных выражений и т. п. Постепенно город потерял своё обычное лицо, и вместо прежней шумной весёлости в нём водворяется почти монастырская тишина» [3, с. 207]. И это еще не всё: факты и свидетельства открывают страшные вещи. Только за первые четыре года нахождения Ж. Кальвина у власти в Женеве было вынесено 58 смертных приговоров, 76 жителей были изгнаны из города, во время расследований применялись издевательства и телесные пытки, в результате которых люди умирали, не дождавшись приговора. И в дальнейшем в кальвинистских общинах было нормой применение пыток и казней за ересь и инакомыслие.

Кальвинизм отрицает свободу воли человека; грех считается явлением неизбежным; не признается богатый католический культ (во время церковных служб у кальвинистов свечи не зажигаются, нет специальных одежд для духовенства, не звучит музыка и т. п.).

Главная доктрина кальвинизма – спасение или вечные муки в аду каждого конкретного человека предопределены Богом, который еще до сотворения мира «избрал» одних людей к спасению, других – к вечной гибели. Но это не призыв к покорности судьбе. Человек должен стать божьим избранником и доказать это своей жизнью, особенно – профессиональной деятельностью. «Согласно Кальвину, никакими усилиями человек не может изменить свою судьбу, но сам факт его усилий – знак принадлежности к спасённым...» [2, с. 20 – 21].

Кальвинизм проповедует аскетизм, простоту жизни, жесточайший кодекс нравственности.

Марина Цветаева никогда не была пуританкой в прямом значении этого слова. Да, она была скромна в своих бытовых привычках. Как вспоминала ее дочь Ариадна Эфрон, мать поздно ложилась, рано вставала, была умеренна в еде, ненавидела быт, к людям труда относилась с глубоким уважением.

Вопрос о соотношении язычества и христианства в мироощущении М. Цветаевой до сих пор остается открытым. В личности М. Цветаевой парадоксальным образом соединялась

стихийная, языческая безудержность, бескрайность страстей – *всяк храм мне пуст* – и Пасха в Кремле, Москва сорока сороков церквей – *Царю Петру, и вам, о царь, хвала!* / *Но выше вас, цари, колокола*, так же, как вечные вопросы, поднимаемые ею в творчестве: быт и бытие, поэт и все, творец и чернь, «над» и «под»:

Безумье – и благоразумье,

Позор – и честь.

Все, что наводит на раздумье,

Все слишком есть –

Во мне. – Все каторжные страсти

Свились в одну! –

Так в волосах моих – все масти

Ведут войну!

И. Бродский называет поэзию М. Цветаевой кальвинистской. «Кальвинизм, – пишет Бродский, – в принципе чрезвычайно простая вещь: это весьма жесткие счёты человека с самим собой, со своей совестью, сознанием... Кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного Суда – как бы в отсутствие (или уже не дожидаясь) Всемогущего. В этом смысле второго такого поэта в России нет» [1, с. 24].

М. Цветаева себя и других судила очень строго и, что важно, по своим ценностным меркам. К 18 годам Марина Цветаева прочитала все, что только возможно: Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Гюго, Ламартина, Ницше, Гейне, Гёте и т. д. Но при этом девочка Марина из профессорской семьи, знающая несколько языков, не расстающаяся с книгами, писала М. Воло-

шину в 1911 году: «Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам. ...Книги – гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательность...» [5, т. 6, с. 46]. Ее формула жизни: «Не могу этого хотеть и не хочу этого мочь» [Там же, т. 4, с. 112].

Кальвинизм считает грех неизбежным качеством человека. Это качество в поэзии М. Цветаевой проявляется очень своеобразно: она его и провоцирует, и осуждает, и воспеваает, и пытается объяснить:

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – *Ars Amandi*
Женщине – вся земля.
Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.
Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

Очень многое, конечно, шло из детства, из семьи. И отец будущего поэта Иван Владимирович Цветаев, и мать Мария Александровна Мейн были людьми уникальными.

Иван Владимирович был сыном бедного сельского священника из Владимирской губернии, учился в семинарии, но страстно увлекся филологией и историей искусства. В конечном итоге он стал профессором Московского университета и основа-

телем Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. «Дом профессора Цветаева был пронизан духом древней Эллады и великого Рима. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Эвридика и Орфей, Венера и Психея – это были не просто имена, они воспринимались Цветаевой как реальные люди, ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем и в зрелом творчестве поэта...» [4, с. 9].

Мария Александровна Мейн была блестящей пианисткой, свободно владела четырьмя европейскими языками, глубоко знала историю и литературу, сама писала стихи. Но по социальным и семейным обстоятельствам она не могла выступать на профессиональной сцене. Мария Александровна представляла собой уникальное соединение, сплав мятежности, протеста, вольнолюбия, деспотизма и при этом самодисциплины, подчинения и сдержанности. Ее нереализованный талант пианистки, ее несбывшаяся в девичестве любовь, ее замужество (Иван Владимирович Цветаев был вдовцом с двумя детьми и старше жены на 22 года) – всего этого было через край, все это Мария Александровна несла по жизни с высоко поднятой головой, все это, взрослея, понимали их дочери. М. Цветаева всегда восхищалась поколением своих родителей:

Поколение, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколение! Я – ваша!
Продолженье зеркал.
Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,

И презрением к платью
 Плоти – временному!
 Вы – ребенку, поэтом
 Обреченному быть,
 Кроме звонкой монеты
 Всё – внушившие – чтить...
 Вам, в одном небывалом
 Умудрившимся – быть,
 Вам, среди шумного бала
 Так умевшим – любить!
 До последнего часа
 Обращенным к звезде –
 Уходящая раса,
 Спасибо тебе!

Почтение к уму, презрение ко всему преходящему, свобода личности, цветаевские духовные высоты, от которых, как писала ее дочь, у обычных людей делалась горная болезнь, – это все оттуда, из детства, из прочитанных книг, из увиденных стран, из ценностей и образа жизни родителей.

Марина Цветаева в своих требованиях к себе, детям, друзьям была непреклонна и требовала непомерно, ненавидела праздность, паразитизм, потребительство, лень. В 1918 году М. Цветаева писала: «О черни. Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: *чернь*. Солдат? – Нет... Рабочих? – Нет... Крестьян? – Готова с каждой бабой уйти в ее деревню... Ненавижу – поняла – вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и (в мирное время) кошелку в ней, шелковую... юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным кольцам (золотых-то, видно, нет) – уничтожение всей

меня – все человеческое мясо – мещанство!» [5, т. 4, с. 153]. Она ненавидела мещан, которых считала живыми мертвецами.

Это касалось не только людей, но и вещей, среди которых они существовали. Вещный мир может очень многое рассказать о человеке: что он любит, ценит, предпочитает, чем увлекается. Например, в эссе «Ночевка в коммуне» Цветаева так описывает кровать: «Низкая деревянная резная кровать, очень глубокая. Очень разлтая. Для долгих лежаний, для поздних вставаний. Для лени, для неги, для жиру, для всего, что ненавижу – кровать!» [5, т. 4, с. 49]. Или вот как в письме М. Волошину М. Цветаева описывает Москву 1921 года: «Она чудовищна. Жировой нарост, гнойник. На Арбате 54 гастрономических магазина: дома извергают продовольствие. Всех гастрономических магазинов за последние три недели 850... Общий закон – беспощадность. Никому ни до кого нет дела... Голодных много, но они где-то по норам и трущобам...» [Там же, т. 6, с. 66].

Ее высоты и требования к другим базировались в первую очередь на самых беспощадных требованиях к себе. «А сегодня, например, я целый день ела, – пишет она в 1919 году, – а могла бы целый день писать. Я совсем не хочу умереть с голоду в 19-ом году, но еще меньше хочу сделаться свиньей» [Там же, т. 4, с. 540]. И она всю свою жизнь, всегда и во всем была верна этому неприятию праздности и огромной требовательности и внут-

ренной дисциплине к себе, к своему делу, к своему ремеслу – как она именовала творчество. Надо сказать, что творческого трудолюбия было у М. Цветаевой не меньше, чем ее поэтического таланта.

Такие взгляды она прививала и своим детям. В этом отношении показателен цикл «Стихи к сыну». Приведем из него несколько строк:

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту –
спортсмедным
Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют...

Весьма показательно время написания этих стихов – 1932 год. Прошло 10 лет после того, как М. Цветаева покинула Россию, 10 долгих лет эмиграции, нищеты, одиночества, постоянных проблем с жильем – сначала в Чехии, затем – во Франции. Революция отняла у нее все: младшую дочь Ирину, собственный дом, прислугу, значительное наследство в банке. И тем не менее М. Цветаева страстно любила Россию, ту, в которой она выросла, с традициями русской интеллигенции, с отцовским служением делу и стране, домашней библиотекой, православными праздниками, колокольным звоном, кустом рябины. И это все она завещает сыну, которого не хочет видеть буржуем и французом:

Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –

Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом! –
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.

Кальвинизм – это абсолютный мирской аскетизм, отказ от любых мирских удовольствий: праздников, веселья, танцев, застолий, это почти заупокойная тишина в жизни и душе. Разве не такой кальвинизм проповедует М. Цветаева, например, в цикле «Стол», написанном в 1933 году? Стол как символ труда поэта и смысла его жизни:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.
Мой письменный выучный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,
Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес...
Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь вьевшийся – край стола!

В стихотворении стол воспринимается героиней и предстает перед читателем абсолютно живым: он верный, всегда был рядом, охранял ее, помогал переносить все жизненные невзгоды, стал верным товарищем в творчестве, радостнее в жизни было с

ним, чем с другими, стол противостоял всем соблазнам и низостям, испытанный на помощь и верность в течение всей жизни героини. Открытость М. Цветаевой, оголенность ее души в творчестве доказывают, что это именно ее взгляд на письменный стол. Сердцевина отношений между письменным столом и М. Цветаевой создается и хранится в ней самой, это ее жизнь, мир, сотворенный ею космос, который она метафорически благодарит и благословляет. В другом стихотворении она прямо пишет: *Да, был человек возлюблен! / И сей человек был – стол...* Как-то М. Цветаева сказала, что, если бы ей предложили рай, но без письменного стола, она бы от такого рая отказалась. Каждый сам творит свой космос.

Поэзия Марины Цветаевой многолика. Она сама писала: «Я – много

поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя *тайна*» [5, т. 7, с. 408]. Ее концептосфера включает пространство, время и вечность, поэта, любовь, смерть, разлуку, веру и неверие и др. В статье мы остановились только на одной из сторон ее творчества и жизни: непреклонности духа, неустанности творческой жизни, веры в свои силы. Таким образом, специфика ценностных ориентаций и установок, выраженных в творчестве М. Цветаевой, способ восприятия ею мира и своего места в нем, нетребовательность в быту и высочайшие требования к себе и близким по меркам своих духовных высот, интуитивное ощущение высшей справедливости – все это «высвечивает» кальвинизм в ее творчестве, говорит о человеке, постоянно творящем над собой высший суд.

Библиографические ссылки

1. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
2. Гуревич П. С. Философия человека. М., 2001. Ч. 2.
3. Порозовская Б. Д. Жан Кальвин: его жизнь и реформаторская деятельность // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола : Биографические очерки. М., 1995.
4. Саакянц А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. М., 1997.
5. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1997.

ON THE QUESTION OF MARINA TSVETAEVA'S CALVINISM

The article briefly reveals the biography of J. Calvin and the main doctrines of Calvinism. The statement of I. Brodsky about her work is taken as the basis for the statement of Calvinism in the work of M. Tsvetaeva: "a Calvinist is, in short, a person who constantly creates a version of the Last Judgment over himself." The article asserts and proves the specificity of value orientations and attitudes expressed in the work of M. Tsvetaeva, the way she perceives the world and her place in it, the highest demands on herself and her relatives by the standards of her spiritual heights, an intuitive sense of supreme justice – all this "highlights" Calvinism in her work, speaks of a person who constantly creates the highest court over himself.

Keywords: Calvinism, poetry, creativity, spirituality, everyday life, philistinism.

УДК 291

С. Ш. Абдуллаева, Н. М. Маркова, Д. И. Петросян

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ, КОНФЕССИИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ**

Современная Россия только в конце XX века утвердилась как новое политическое сообщество после распада СССР, провозгласившего себя «первым в мире атеистическим государством», где около 70 лет в качестве нормативной утверждалась идентичность с идеалом «атеизма беззаветного строителя коммунизма». Последний призван был вытеснить 1000-летний идеал «строгой твердости в Вѣре» и идентичности с традицией «православия». Распад СССР возродил в обществе культурную память, включающую целый ряд элементов многовековой истории проживающего на этой территории населения, которые фиксируются в социологических опросах не только специфическими лексемами локальных языков первого порядка (Я1), но и теоретическими моделями языков второго порядка (Я2).

Ключевые слова: религиозность, Россия, студенчество, социология религии, религиоведение.

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 21-011-44195.

Введение

Кафедра философии и религиоведения Владимирского государственного университета более 10 лет проводит социологические исследования студенческой религиозности в рамках реализации ряда грантов РГНФ, РФФИ, администрации Владимирской области и ряда других фондов. Исследование, которое представлено в данной статье, проводилось в ходе пилотного проекта методом анкетирования в декабре 2021 года, когда были опрошены студенты из вузов Владимира и Архангельска. В рамках проекта исследовались разные

аспекты культурной памяти о религии, присутствующей в современном студенческом сознании на примере двух регионов России.

Важно отметить, что само слово «религия», согласно данным электронного онлайн-корпуса русских текстов «Национальный корпус русского языка», входит в отечественные тексты с XVIII века, хотя первые кириллические упоминания о «Римской вѣре» («Римском набоженстве», «Римской релѣ») относятся к XVI веку (1597 – 1598, «Апокрисис»), затем изредка встречаясь в XVII веке («Лексикон»

Памвы Берынды, 1627), где существующее с X века слово «вѣра» (предание о «выборе вѣры») было представлено как эквивалент «релѣи». XVI и XVII века стали так называемой «эпохой Реформации» (1517 – 1648), когда «Русское царство» (Moscovia/Russia), как и другие монархии Европы, вступили в новую социальную реальность глобального «конфессиоцентризма», расколовшего 1000-летний идеал единой (все-ленской) «Ecclesia Catholica/Καθολική Εκκλησία» (110 – 1054) на множество «исповеданий» со своими «омологиями», требовавшими от своих прихожан «строгой твердости в Вѣре», которая с этого периода в России стала именоваться специальными конфессионимами «сияющее благочестие», «грекороссийское исповедание» и «православие». В свою очередь, сообщество «Ecclesia Catholica/Καθολική Εκκλησία» формировалось в условиях политической реальности «Imperium Rōmānum», где оно после Миланского эдикта (Edictum Mediolanense, 313 год) обретает статус «religio», т. е. допущенных Сенатом практик «почитания божественного», а Августин затем описал его как эксклюзивно «истинную религию» («De vera religione», 390 год). Особое политико-правовое значение слова «religio» утверждается в «Pax Romana» под влиянием трактатов и судебных речей Цицерона, который определил это слово как «святое и благочестивое почитание богов», состоящее «в том, чтобы всегда благоговеть перед ними с чистым неиспорченным сердцем и словом», выделяя эту осо-

бую, наполненную высшим смыслом, сферу бытия человека «в вечности», противостоящую преходящим радостям и горестям повседневной жизни, что позволяло конструировать и реконструировать свои «социокультурные миры» и «мировоззрения», связывая мирские «социальные конструкции» с «высшим порядком», т. е. «священным космосом, спасающим каждого человека от хаоса», дистанцируясь от «суеверий».

Содержание проекта

В рамках проекта исследовались разные аспекты культурной памяти о религии, присутствующей в студенческом сознании. Среди них выявлялись:

- 1) общее отношение к религии и ее исторически сформировавшимся типам;
- 2) место религии в повседневной жизни студентов (отношение к молитвам, богослужениям и тому подобным практикам);
- 3) оценка значимости свободы вероисповедания;
- 4) отношение к преподаванию религиоведения и теологии в вузах;
- 5) разнообразные аспекты толерантности учащейся молодежи.

За основу было взято четыре подхода к определению религии: а) Цицероновское определение религии («религия – это поклонение более высокому уровню природы, который называют божественным»); б) общехристианское определение (религия – это живая и личная встреча с величием и любовью Бога); в) распространенные определения периода СССР (религия –

это «опиум для народа» и «враг науки») и г) феноменологическое определение (религия – это отношение с таинственной и сакральной реальностью). Можно отметить, что Цицероновское понимание описывало наличие в «*Rex Romani*» множества традиций почитания божественных сил народами содружества, близкого к феноменологическому, утвердившемуся в религиозоведении с конца XIX века, в отличие от эксклюзивизма «конфессиоцентричных» определений Августина («*vera religio*») и атеистических подходов недавнего советского прошлого, нетерпимых ко всем формам «инакомыслия».

Результаты опроса

В результате анкетирования были получены интересные, хотя на данный момент пока только предварительные данные о сохранении в культурной памяти студенческой молодежи как базовых Цицероновских различий, так и возникших за последние 2000 лет последующих коннотаций и дистанцирований (полные данные будут опубликованы в сборнике «Свеча-2022»). Всего было опрошено 235 студентов, в том числе: во Владимирской области – 133 чел.; в Архангельской области – 102 чел.

1. Пол

Пол	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Мужской	37,3	33,1	34,9
Женский	62,7	66,9	65,1

2. Возраст

Возраст	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
17 – 18 лет	13,7	30,8	23,4
19 – 20 лет	38,2	54,9	47,7
Старше 20 лет	48,0	14,3	28,9
Средний возраст (лет)	20,5	19,1	19,7

Студенты вновь, как и в предшествующие годы, подтвердили, что предпочитают видеть себя людьми общественно активными, творческими, не избегающими развлечений, но отвергающими как стремление к богатству и накопительству, так и ориентацию на традиционные конфессиональные ценности.

В представлениях студентов среди наиболее важных для современного человека качеств лидируют ответственность (85,8 %), независимость (61,4 %), трудолюбие (61,4 %), терпимость по отношению к другим людям (53,6 %) и решительность (42,9 %). Самыми ненужными в современной жизни студенты считают такие каче-

ства, как послушание (6 %) и религиозность (6,4 %).

Студенты проявляют высокий уровень индифферентности по отношению к конфессиональным и в целом к религиозным аспектам своего бытия. На вопрос о том, считают ли они себя религиозными людьми, почти половина (47,6 %) дали отрицательный ответ, а еще 14,3 % причислили себя к убежденным атеистам. Религиозными посчитали себя 38 % опрошенных.

Отвечая на вопрос о том, связывают ли они себя с какой-либо конкретной конфессией, студенты чаще всего выбирают православие (42,2 %), что неудивительно для областей с преобладанием русского населения. Единицы отметили приверженность исламу, буддизму или католичеству (по 0,9 %). Несмотря на то, что доля приверженцев той или иной конфессии или религии оказалась несколько больше, чем доля «религиозных» студентов (46,5 %), следует учитывать, что для многих собственнo конфессиональная принадлежность является, как показали многочисленные исследования других авторов, не столько религиозным, сколько социокультурным индикатором. В любом случае, в выборке преобладают студенты, указавшие, что они «сами по себе и не связаны с религиозными и конфессиональными сообществами» (46,5 %), а также вписавшие в анкету, что они не относят себя к рубрикам «верующие», «атеисты», «агностики», «скептики» или «толстовцы» (в сумме – 6,9 %).

По мнению студентов, религия не играет сколь-нибудь значимой ро-

ли в их жизни, заметно уступая таким ценностям, как семья, друзья, свободное время или работа. Даже политика, которая также не относится к жизненным приоритетам большинства студентов, более значима для них, чем религия. Учитывая вышесказанное, неудивительно, что в известном историческом конфликте между религией и наукой, вошедшем в культуру с XIX века, студенты чаще отдают предпочтение науке, что специально конструировалось на протяжении всего XX века, особенно в СССР. При этом половина опрошенных считает, что в объяснении процесса появления мира религия и наука дополняют друг друга, совместно рисуя картину мироздания (50,7 %). Другая половина респондентов убеждена, что именно наука рано или поздно объяснит происхождение всего сущего (47,1 %). Явные противники науки, считающие, что она лишь мешает спасению бессмертной души, оказались в ничтожном меньшинстве (2,2 %), что, конечно, неудивительно для университетского сообщества, позиционирующего себя еще с XV века приверженцами глобальной «Республики Ученых» («Respublica leteraria», 1417), а с XIX века – приверженцами универсального «Храма Науки», занятыми поиском «знаний» и «истин», общих для представителей всех религиозно-конфессиональных субкультур. В последних, однако, всегда присутствуют те, кто защищает собственную конфессиональную традицию, обеспечивая ее самосохранение и самовоспроизведение, кото-

рых можно назвать «твердыми ревнителями Вѣры», как определял «религиозность» известный словарь В. И. Даля («Толковый словарь живого великорусского языка», 1863 – 1866). Можно говорить о сохранении в данной субкультуре культурной памяти о столетиях, когда законодательно утверждалось, что «Первенствующая и господствующая в Российской Империи Вѣра есть Православная Восточная Грекороссийская» («Сводъ Законовъ Россійской Имперіи», 1832), выход из которой стал уголовным преступлением с 1649 года («Соборное уложение»): было законодательно закреплено деление населения на «православных христиан» и «иновѣрцев» («невѣрных», «басурман»), при этом всех «богохульников», предварительно «обличив», следовало «казнить, зжечь», как и тех, кто решил бы приблизиться к другой «Вѣре», наряду с их «совратителями». В древнейших правовых документах («Русская Правда», 1016; «Церковный Устав князя Ярослава» и др.) разделялись церковная и княжеская юрисдикции, при этом основным наказанием были денежные штрафы и церковные «епитимьи». XX век принес с собой новые юридические нормы жизни «вѣрных» и «невѣрных».

Оценивая смысл религии как социального феномена, студенты разделяются на три почти равные группы. Все же таким функциям религии, как «Делать добро другим людям» (34,9 %) и «Задавать смысл жизни в этом, земном, мире» (35,4 %), студенты прида-

ют чуть большее значение, чем «Следовать религиозным нормам и ритуалам» (29,7 %). Таким образом, ритуальная сторона религии менее важна для студентов, чем ценностная и мировоззренческая.

Показательно, что 43 % студентов никогда не участвовали и, по их мнению, никогда не будут участвовать в богослужениях, а еще 31,9 % в принципе могли бы участвовать, но никогда раньше не задумывались об этом (участвовали и будут делать это в дальнейшем лишь 12,3 %). Никогда не молились и не будут этого делать – 33,6 % студентов; 31,9 % никогда не задумывались о том, чтобы молиться (молятся и будут это делать – 21,7 %). Эти результаты еще раз подтверждают низкий уровень интереса студентов к религии в целом и к религиозным обрядам в особенности.

При этом студенты очень высоко оценили для себя важность свободы вероисповедания. Оценка важности того, чтобы в стране обеспечивалась такая свобода, составила 8,16 по десятибалльной шкале.

Преподавание в вузах как религиоведения, так и тем более теологии, не представляется важным для большинства студентов. Оценки по десятибалльной шкале составили 4,88 и 4,19 соответственно. Показательно, что модальной оценкой в обоих случаях стала единица (28,3 % и 30,2 % соответственно). Преобладают среди студентов и те, кто соглашается с тем, что религию не следует преподавать в государственных школах (28,6 % полно-

стью согласны с этим и еще 20,9 % – скорее, согласны).

Не поддерживают студенты и проникновение религии в политическую сферу. Однозначно против политического правления теолога или религиозного лидера высказались 55,3 % студентов. Сакральная власть монарха также вызывает неодобрение относительно большинства студентов (44,7 %). Однозначно против власти шаманов, экстрасенсов и магов выступили 62,1 % опрошенных.

Отметим, что не популярны среди студентов правление сильного авторитарного лидера, военный режим,

правление технократов или власть экстрасенсов (магов). Однозначно положительно студенты высказываются только по отношению к демократическому правлению: треть убеждены, что демократия очень подходит для Российской Федерации, а еще четверть, что, скорее, подходит.

Как и на предыдущих этапах исследования, студенты проявили высокий уровень религиозной, расовой, этнической, гендерной и сексуальной толерантности. Явное неприятие опрошенных вызывают лишь такие проблемные для окружающих группы, как наркоманы и алкоголики.

3. К какой конфессии вы себя относите?

Конфессия	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Буддизм	2,0	0	0,9
Индуизм	0	0	0
Ислам	2,0	0	0,9
Иудаизм	0	0	0
Католичество	1,0	0,8	0,9
Православие	40,6	43,5	42,2
Протестантизм, евангелическое христианство	2,0	1,5	1,7
Другое вероисповедание	5,9	7,6	6,9
Я сам по себе и не связан с религиозными и конфессиональными сообществами	46,5	46,6	46,6

4. Есть ли в вашей группе студенты, которые являются приверженцами других, по сравнению с вашей, конфессий (религий)?

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Многие из них	8,8	13,4	11,4
Несколько	36,3	32,3	34,1
Один или два	29,4	26,8	27,9
Никто	25,5	27,6	26,6
Затрудняюсь ответить	0	4,5	2,6

ФИЛОСОФИЯ

5. Какое из определений религии вы считаете наиболее близким для себя?

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Религия – это поклонение более высокому уровню природы, который называют божественным	13,0	24,8	19,7
Религия – это живая и личная встреча с величием и любовью Бога	22,0	20,2	21,0
Религия – это «опиум для народа» и «враг науки»	16,0	24,8	21,0
Религия – это отношение с таинственной и сакральной реальностью	49,0	30,2	38,4

6. Согласны ли вы с тем, что в современном обществе существуют следующие виды разделения людей:

6.1. Все люди делятся на «своих» и «чужих»

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Полностью согласен	23,5	15,0	18,7
Скорее, согласен	26,5	33,1	30,2
Скорее, не согласен	18,6	24,8	22,1
Полностью не согласен	18,6	21,1	20,0
Затрудняюсь ответить	12,7	6,0	8,9
<i>Индекс согласия</i>	0,08	-0,02	0,03

6.2. Все люди делятся на «верующих» и «неверующих»

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Полностью согласен	18,6	24,1	21,7
Скорее, согласен	29,4	19,5	23,8
Скорее, не согласен	24,5	27,1	26,0
Полностью не согласен	17,6	20,3	19,1
Затрудняюсь ответить	9,8	9,0	9,4
<i>Индекс согласия</i>	0,03	0	0,02

6.3. Все люди делятся на «истинно верующих» и «ложно верующих»

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Полностью согласен	8,8	12,8	11,1
Скорее, согласен	15,7	21,1	18,7
Скорее, не согласен	16,7	22,6	20,0
Полностью не согласен	39,2	30,1	34,0
Затрудняюсь ответить	19,6	13,5	16,2
<i>Индекс согласия</i>	-0,31	-0,18	-0,24

6.4. Все люди делятся по полу, возрасту, наличию хобби и т. п.

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Полностью согласен	43,1	49,6	46,8
Скорее, согласен	26,5	23,3	24,7
Скорее, не согласен	11,8	13,5	12,8
Полностью не согласен	9,8	6,0	7,7
Затрудняюсь ответить	8,8	7,5	8,1
<i>Индекс согласия</i>	0,41	0,49	0,45

6.5. Все люди и каждый человек, прежде всего, «люди как таковые» и «человек доброй воли»

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Полностью согласен	31,4	31,6	31,5
Скорее, согласен	30,4	22,6	26,0
Скорее, не согласен	6,9	11,3	9,4
Полностью не согласен	9,8	6,8	8,1
Затрудняюсь ответить	21,6	27,8	25,1
<i>Индекс согласия</i>	0,33	0,30	0,32

7. Обсуждаете ли вы свои верования и убеждения со своими друзьями?

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Да, часто	6,9	15,0	11,5
Да, иногда	48,0	51,9	50,2
Нет, никогда	45,1	33,1	38,3

8. Насколько для вас важны следующие ценности:

8.1. Семья

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	74,5	82,7	79,1
Скорее, важно	19,6	12,0	15,3
Скорее, не важно	2,9	0,8	1,7
Совсем не важно	1,0	0,8	0,9
Затрудняюсь ответить	2,0	3,8	3,0
<i>Индекс согласия</i>	0,82	0,88	0,85

ФИЛОСОФИЯ

8.2. Друзья

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	56,9	59,4	58,3
Скорее, важно	36,3	33,8	34,9
Скорее, не важно	4,9	2,3	3,4
Совсем не важно	1,0	1,5	1,3
Затрудняюсь ответить	1,0	3,0	2,1
<i>Индекс согласия</i>	0,72	0,74	0,73

8.3. Свободное время

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	53,9	56,4	55,3
Скорее, важно	35,3	38,3	37,0
Скорее, не важно	5,9	1,5	3,4
Совсем не важно	2,9	0,0	1,3
Затрудняюсь ответить	2,0	3,8	3,0
<i>Индекс согласия</i>	0,66	0,75	0,71

8.4. Политика

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	10,8	11,3	11,1
Скорее, важно	20,6	35,3	28,9
Скорее, не важно	37,3	36,8	37,0
Совсем не важно	22,5	11,3	16,2
Затрудняюсь ответить	8,8	5,3	6,8
<i>Индекс согласия</i>	-0,20	-0,01	-0,09

8.5. Работа

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	35,3	39,8	37,9
Скорее, важно	47,1	45,1	46,0
Скорее, не важно	7,8	7,5	7,7
Совсем не важно	2,0	3,8	3,0
Затрудняюсь ответить	7,8	3,8	5,5
<i>Индекс согласия</i>	0,53	0,55	0,54

8.6. Религия

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень важно	13,7	7,5	10,2
Скорее, важно	13,7	22,6	18,7
Скорее, не важно	28,4	27,1	27,7
Совсем не важно	28,4	33,1	31,1
Затрудняюсь ответить	15,7	9,8	12,3
<i>Индекс согласия</i>	-0,22	-0,28	-0,25

9. Отличаются ли у верующих и неверующих взгляды на следующие ценности:

9.1. Семья

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	21,6	17,3	19,1
Скорее, отличаются	22,5	28,6	26,0
Скорее, не отличаются	23,5	24,1	23,8
Совсем не отличаются	14,7	21,8	18,7
Затрудняюсь ответить	17,6	8,3	12,3
<i>Индекс согласия</i>	0,06	-0,02	0,02

9.2. Друзья

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	13,7	6,8	9,8
Скорее, отличаются	22,5	24,8	23,8
Скорее, не отличаются	31,4	39,8	36,2
Совсем не отличаются	14,7	18,8	17,0
Затрудняюсь ответить	17,6	9,8	13,2
<i>Индекс согласия</i>	-0,05	-0,20	-0,13

9.3. Свободное время

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	21,6	16,5	18,7
Скорее, отличаются	29,4	29,3	29,4
Скорее, не отличаются	23,5	24,8	24,3
Совсем не отличаются	10,8	13,5	12,3
Затрудняюсь ответить	14,7	15,8	15,3
<i>Индекс согласия</i>	0,14	0,05	0,09

ФИЛОСОФИЯ

9.4. Политика

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	25,5	27,8	26,8
Скорее, отличаются	30,4	34,6	32,8
Скорее, не отличаются	15,7	15,0	15,3
Совсем не отличаются	8,8	6,8	7,7
Затрудняюсь ответить	19,6	15,8	17,4
<i>Индекс согласия</i>	0,24	0,31	0,28

9.5. Работа

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	14,7	16,5	15,7
Скорее, отличаются	29,4	30,8	30,2
Скорее, не отличаются	27,5	27,8	27,7
Совсем не отличаются	10,8	10,5	10,6
Затрудняюсь ответить	17,6	14,3	15,7
<i>Индекс согласия</i>	0,05	0,08	0,06

9.6. Религия

Вариант ответа	Архангельская область	Владимирская область	В среднем
Очень отличаются	57,8	66,2	62,6
Скорее, отличаются	21,6	20,3	20,9
Скорее, не отличаются	2,9	4,5	3,8
Совсем не отличаются	2,0	3,8	3,0
Затрудняюсь ответить	15,7	5,3	9,8
<i>Индекс согласия</i>	0,65	0,70	0,68

10. Насколько для вас важно жить в стране со свободой вероисповедания? 1 – совсем не важно, 10 – очень важно

Балл	Архангельская область	Владимирская область	В среднем по выборке
1	4,0	6,3	5,3
2	1,0	0,8	0,9
3	0,0	0,8	0,4
4	0,0	2,3	1,3
5	11,0	6,3	8,3
6	3,0	6,3	4,8
7	12,0	4,7	7,9
8	10,0	11,7	11,0
9	12,0	11,7	11,8
10	47,0	49,2	48,2
<i>Средний балл</i>	8,21	8,13	8,16

11. Насколько для вас важно преподавание религиоведения в университете?

Балл	Архангельская область	Владимирская область	В среднем по выборке
1	18,2	36,2	28,3
2	1,0	4,7	3,1
3	4,0	7,9	6,2
4	5,1	7,9	6,6
5	15,2	12,6	13,7
6	11,1	7,9	9,3
7	7,1	7,1	7,1
8	9,1	7,9	8,4
9	8,1	3,1	5,3
10	21,2	4,7	11,9
<i>Средний балл</i>	6,02	3,99	4,88

12. Насколько для вас важно преподавание теологии в университете?

Балл	Архангельская область	Владимирская область	В среднем по выборке
1	27,6	32,3	30,2
2	5,1	9,4	7,6
3	7,1	8,7	8,0
4	5,1	10,2	8,0
5	17,3	11,0	13,8
6	10,2	7,1	8,4
7	6,1	7,9	7,1
8	10,2	7,9	8,9
9	6,1	0,0	2,7
10	5,1	5,5	5,3
<i>Средний балл</i>	4,58	3,89	4,19

В целом ответы российских студентов демонстрируют характерное для представителей светских обществ преобладание личной открытой и самоутверждающейся идентичности над строго конфессиональной или антрополого-религиозной. При этом многие из респондентов идентифицируют себя с конфессиями, традиционными для истории и культуры страны, прежде

всего с православием. В основном студенты оценивают значимость (других) конфессий на основе культурных стереотипов, порой переходящих в общественные предрассудки. Как и на предыдущих этапах исследования, студенты проявили высокий уровень религиозной, расовой, этнической, сексуальной и гендерной толерантности.

S. Sh. Abdullaeva, N. M. Markova, D. I. Petrosyan

**RELIGIOSITY, CONFESSIONS AND IDEOLOGICAL
SELF-DETERMINATION OF YOUTH**

It was only at the end of the twentieth century that modern Russia established itself as a new political community after the collapse of the USSR, which proclaimed itself «the world's first atheistic state», where for about 70 years identity with the ideal of «atheism of the selfless builder of communism» was approved as normative. The latter was intended to displace the 1000-year-old ideal of «strict firmness in Faith» and identity with the tradition of «Orthodoxy». The collapse of the USSR revived cultural memory in society, including a number of elements of the centuries-old history of the population living in this territory, being recorded in sociological surveys not only by specific lexemes of local Ya1, but also by theoretical models Ya2. The research was supported by the RFFI grant, project № 21-011-44195.

Keywords: religiosity, Russia, students, sociology of religion, religious studies.

УДК 159.9.01

В. В. Останин, Е. В. Каримова, М. А. Суботялов

**ОПЫТ МИСТИКИ СВЕТА В ЖИЗНЕОПИСАНИИ
БХАКТИВЕДАНТЫ СВАМИ**

Феномен мистики света исследуется как зарубежными, так и отечественными специалистами в области истории, теологии и философии. Цель и задача данной работы – рассмотреть указанный феномен на примере мистического восприятия образа Бхактиведанты Свами (1896 – 1977), известного индийского вайшнавского мыслителя и мистика. В качестве методологической основы исследования задействована четырехчастная концепция знаменитого американского философа прагматической школы, психолога, а также психолога религии Уильяма Джеймса (1842 – 1910). В своем знаковом труде «Многообразии религиозного опыта» (1902), фактически положившем начало дисциплине «Психология религии», У. Джеймс выявляет две основные и две дополнительные характеристики мистического опыта, переживаемого религиозной личностью на стадии святости. Он также обозначает актуальность исследования реальных жизненных примеров, подчеркивая, что широкое ознакомление с конкретными и индивидуальными переживаниями духовного опыта дает более ценное и глубокое знание, чем отвлеченные формулы, как бы глубоки они ни были. Авторы статьи в ре-

зультате анализа приходят к выводу, что опыт иллюминации образа Бхактиведанты вполне соответствует представленным У. Джеймсом критериям, и, следовательно, может считаться вполне адекватным с психологической точки зрения и быть объектом пристального научного внимания.

Ключевые слова: психология религии, мистический опыт, религиозный опыт, вайшнавизм, свет трансценденции, Бхактиведанта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы»

Введение

Образ и непосредственное переживание света Трансценденции есть явление, свойственное мистике *высокого*¹ порядка в любой классической религиозной традиции. Имманентная мистика в данной статье не исследуется. Историческое, теологическое и философское значения мистического восприятия света представлены в работах большого круга исследователей как зарубежных [4; 9; 12], так и отечественных [1; 3; 5; 6]. Свет *Брахмана* в индуизме, концепция «Ясного света» в тантрическом буддизме, видение «Фаворского света Преображения» в православном исихазме, свет в мистическом опыте великого суфия Аль-Газали (1058 – 1111) – вот далеко не полный список примеров, относящихся к существу рассматриваемого вопроса.

Подобное сияние духовного света может быть замечено не только при прямом контакте с Абсолютом, но и в случаях личного соприкосновения с

теми, кто, достигнув состояния святости, действует как «проводник» энергии изначальной реальности. Так, известнейший отечественный исследователь природы мистического света Владимир Лосский (1903 – 1958), автор знаменитого «Очерка мистического богословия Восточной Церкви», в серии статей под общим названием «Богословие света в учении святого Григория Паламы» подчеркивает:

«“Праведники воссияют как солнце”, по слову Евангелия (Мф. 13, 43), ибо они станут *по благодати* тем, что Бог есть *по природе*» [6, с. 602]. И далее по тексту Лосский приводит пример подобного «воссияния *по благодати*» при лицезрении святости Серафима Саровского (1754 – 1833) одним из его духовных чад. «Я отвечал: “Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли”. Он отвечал: “Не уstraшайте, Ваше Боголюбие, и Вы теперь также светлы стали, Вы ведь и сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то и видеть Вам того на мне нельзя было”» [Там же].

¹ Во всех случаях, кроме специально оговариваемых, курсив – авторский.

Основная часть

В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа опыта видения трансцендентного света на примере личности, пожалуй, наиболее известного вайшнавского святого XX века – Бхактиведанты Свами Прабхупады (1896 – 1977). Бхактиведанта принадлежит к религиозно-философской школе так называемого «бенгальского вишнуизма (вайшнавизма)», основанной Шри Чайтаньей Махапрабху (1486 – 1534) в XVI веке. Успехи его проповеднической и литературной деятельности предстают поистине выдающимися. За недолгие двенадцать лет своей публичной активности (1965 – 1977) он четырнадцать раз облетел земной шар, открыл сто восемь храмов, официально принял более пяти тысяч учеников и, наконец, перевел и прокомментировал такие осевые для вайшнавской традиции тексты, как «Бхагавад-гита», «Шримад-Бхагаватам» (в русском издании – двадцать шесть томов), «Шри Чайтанья-чаритамрита» (в русском издании – девять томов) и др.

Несмотря на то, что в вайшнавизме мистический опыт имеет очень четкие очертания, чаще всего это лицезрение облика Кришны или Вишну и их вечных спутников, лицезрение божественного света также занимает в нем свое определенно важное место. Более того, часто оно предваряет видение конкретного облика Божества.

Вайшнавский поэт-мистик IX – X веков Лилашука (другое имя – Бил-

вамангала Тхакур) в своем знаменитом произведении «Кришна-карнамрита» восклицает: «Пускай же в нашем сознании (*четаси, санскр.*) воссияет свет (*джйотиши, санскр.*) [Божества]!» [11, р. 24]. Признанный комментатор текста Кришнадаса Кавираджа Госвами (XVI век) поясняет: «Вначале он исполняется блаженства, постигая не имеющую очертаний природу света... Так пусть же этот свет, который являет [ему] себя и других и который есть эликсир для ума и глаз, просветит наши сердца» [Там же].

Не менее часто исхождение подобного мистического света отмечается в отношении святых личностей вайшнавской традиции. И Прабхупада здесь вовсе не является исключением. Сохранилось достаточное количество свидетельств, показывающих, как его последователи или даже простые очевидцы связанных с ним событий переживали указанный опыт. Приведем несколько таких свидетельств.

Первое из трех приводимых свидетельств принадлежит писателю Говарду Уилеру (1940 – 1989), магистру искусств университета Нью-Йорка, преподавателю английского языка и классической английской литературы в университете Огайо, ставшему впоследствии убежденным последователем Прабхупады: «Глаза у него были ясные и добрые, как у ребенка, и, даже стоя на тротуаре Хьюстон-стрит, по которой с ревом и гулом проносились грузовики, он *излучал* невозмутимое спокойствие, *источник которого был неиссякаем и*

находился где-то очень далеко от огромного города, грохотавшего вокруг нас» [7, с. 87].

«Глядя на Прабхупаду, я видел перед собой не обычного человека. Все люди как бы раскачивались из стороны в сторону, а он двигался плавно, как лебедь. Тогда же я увидел, что он действительно сияет. Это был первый раз, когда я вообще видел у человека сияние. Оно было реальным, до этого у меня еще никогда не было такого видения, такого религиозного опыта» [10, с. 44].

Прабхупада «приехал посреди ночи, и мы все выстроились в линию, чтобы встретить его. Самое удивительное было то, что, когда он приехал, он показался нам золотым. Когда Прабхупада проходил, было слышно, как преданные один за другим шепчут удивленно: “Он золотой”! “Он золотой”! “Он золотой”! Он действительно был золотым. Прабхупада выглядел в этот особый день... не так, как в другие разы. Всегда трансцендентный и сияющий, в этот раз он выглядел как живое Божество» [10, с. 103].

Однако важно отметить, что сам Прабхупада четко различал мистику высшего и низшего порядков. В случае последней разного рода «иллюминации» могут иметь сугубо физическое или даже психическое происхождение, либо вообще быть продуктом чьего-либо неумного воображения. Надо ли говорить, что он оценивал их значение весьма скептически. Приведем свидетельства подобного рода тоже.

«Я увлекался хатха-йогой, и как-то раз я смотрел на Прабхупаду, пытаюсь разглядеть вокруг него сияние. Как бы поняв мои намерения, Прабхупада взглянул на меня и сказал: “Наш метод – бхакти-йога, а не мистическая йога¹”» [Там же, с. 35].

Из уст в уста последователи Бхактиведанты Свами передают следующее предание. Однажды к нему подошел некий духовный искатель и поделился: «Когда я повторяю мантру, то вижу яркий свет...». Бхактиведанта ответил: «Продолжай повторять, это пройдет»!

Незадолго до проповеднического триумфа Бхактиведанты знаменитый американский мыслитель, фактически основатель дисциплины «Психология религии» Уильям Джеймс в своем знаковом и во многом революционном труде «Многообразие религиозного опыта» проводил подобное же различие между этими двумя типами мистики. У. Джеймс писал: «Слова “мистицизм”, “мистический” употребляются часто для обозначения туманных, бессодержательно-сентиментальных, не имеющих фактического и логического обоснования взглядов. Для многих, писавших о мистицизме, “мистиком” является всякий, кто верит в телепатию или в спиритизм. В таком

¹ Бхакти-йога – духовная дисциплина (йога), главным средством и целью которой объявляется преданность (бхакти) Верховной Личности Бога. Здесь термин «мистический» употреблен в отношении имманентной мистики низшего порядка.

освещении этот термин не имеет для нас никакой цены; необходимо сузить объем этого понятия» [4, с. 298].

Уильям Джеймс предложил четыре основных критерия истинно мистического опыта, первые два из них являлись «отличительными признаками» мистики, а два оставшихся – «менее значительными» признаками. Перечислим их:

- 1) *неизреченность*;
- 2) *интуитивность*;
- 3) *кратковременность*.
- 4) *бездеятельность воли* [Там же].

Проявление всех четырех критериев подлинного мистического опыта мы можем увидеть на примере личности Прабхупады. Очевидно, что практически все, удостоившиеся лицезреть «мистический свет», исходящий от него, вряд ли сами обладали должной духовной квалификацией для его созерцания. Однако, по-видимому, масштаб таких личностей, как Бхактиведанта Свами Прабхупада и Серафим Саровский, позволяет даже людям, не достигшим высот мистических озарений, оказаться в ореоле их лучезарной святости.

Приведем примеры для каждого из критериев мистического постижения света у Бхактиведанты:

1. *Неизреченность*. «Однажды Вишнуджана¹ рассказал мне одну таинственную и спорную историю, которую он *мало кому рассказывал*. Как-то

раз он подошел к комнате Шрилы Прабхупады. В это трудно поверить, но вся комната была заполнена *светом, ослепительным светом*. Вишнуджана *избегал говорить* об этом» [2, с. 59].

Полагаем, что нежелание и даже избегание рассказывать кому-либо о подобном мистическом переживании были связаны не только с проблемой отсутствия в окружении Вишнуджаны квалифицированных слушателей (как это порой понимается), но и с принципиальной невозможностью высказывания данного опыта другим.

2. *Интуитивность*. «Мне показалось, что все вокруг, кроме Шрилы Прабхупады, поблекло и потускнело, а он вдруг начал *излучать сияние*, заполняя им всю комнату и выходя за ее пределы. Это был *не обычный свет*, не тот, который можно *увидеть*, как в лампочке или свече. Но он *был*², тоньше солнечного света, заполнял мой ум и разум и сиял в них, пронизывал все мое сознание, прикасался к душе» [8, с. 276 – 277].

Невозможность увидеть свет, исходящий от Прабхупады, посредством чувства зрения, а также указание на переполненность им ума и разума ясно указывают на интуитивную природу его постижения.

3. *Кратковременность*. «Когда Прабхупада улыбался, вся комната наполнялась *светом*. Это улыбка с

¹ Один из ближайших учеников Прабхупады, которого также часто почитают в качестве святого.

² Курсив слов «увидеть» и «был» введен автором отрывка.

Вайкунтхи¹, которая *излучает воистину трансцендентное сияние...* Настроение Прабхупады было таким замечательным, что *на какое-то мгновение* нам показалось, что мы сидим в лесах Вриндавана с Кришной и Его друзьями, шутим и смеемся. Мы веселились вместе с Прабхупадой, бросая друг на друга восторженные взгляды. Мы чувствовали себя на вершине блаженства, разделяя со своим духовным учителем такие интимные *мгновения*» [8, с. 64].

Моментальная природа указанного мистического переживания как нельзя лучше демонстрирует кратковременность его характера.

4. *Бездеятельность воли.* «Все склонились, предлагая поклоны. Когда Прабхупада проходил мимо меня, я потянулся, чтобы прикоснуться к его стопам... Я *просто окаменел* от того, что натворил. Я поднял голову, лежа на полу, и посмотрел на Прабхупаду, а он просто улыбался мне². Как будто после мрачного затянувшегося дождя вышло солнце, *все озарилось сиянием*» [10, с. 228].

Неспособность движения членов тела в данном случае, конечно, указывает на бездеятельность воли адепта.

¹ «Вайкунтха» (букв. «отсутствие тревог», санскрит) – одно из многих именовании трансцендентной реальности у вайшнавов, местопребывания Бога и святых.

² Связь улыбки Прабхупады (ср. «молчаливая улыбка» Будды) и мистического переживания исходящего от него света – возможно, тема для небольшого исследования.

Наиболее полно все вышеперечисленные критерии мистического опыта выражены в одном из уже процитированных отрывков, и хотя изначально он достаточно длинный, приведем его полностью, ибо мистическая цельность его весьма значительна. Более того, его автор – человек, находившийся в ближайшем окружении Бхактиведанты Свами на протяжении нескольких лет. В круглых скобках обозначена нумерация интересующих нас четырех характеристик мистического опыта в соответствии с порядком, предложенным Уильямом Джеймсом:

«Мне показалось, что все вокруг, кроме Шрилы Прабхупады, поблекло и потускнело, а он вдруг начал излучать *сияние*, заполняя им всю комнату и выходя за ее пределы. Это был не обычный свет, не тот, который можно *увидеть*, как в лампочке или свече. Но он *был*, тоньше солнечного света, *заполнял мои ум и разум и сиял в них, пронизывал все мое сознание, прикасался к душе* (2). Я был переполнен ощущением чистоты и милости, исходящих от Шрилы Прабхупады. Мое сердце наполнилось желанием посвятить всю свою жизнь без остатка служению его лотосным стопам и не думать ни о чем другом.

Мне никогда не доводилось испытывать такое удовлетворение. Это чувство поглотило меня целиком. Наверное, впервые я ощутил то, что можно назвать *чувством безусловного*

вручения себя (4), бескорыстной любви, лишенной каких-либо материальных преград или эгоизма. Все существо Прабхупады сияло и излучало свет, пронизывающий все вокруг, а я был его вечным слугой.

Это трудно описать словами (1). Я не могу сказать, что Прабхупада сделал что-то, чего не делал раньше. Он оставался самим собой. Но почему-то мое сознание на какой-то миг (3) вдруг раскрылось настолько, что я смог увидеть его яснее, чем кого-либо прежде.

А потом он вышел из дверей и ушел по коридору, – а я остался, недоумевая: кто же он на самом деле?» [8, с. 276 – 277].

Приведенный отрывок прекрасно иллюстрирует то, как все четыре характеристики мистического опыта, зафиксированные У. Джеймсом, проявились в личности Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Заключение

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, исследования мистики света отнюдь не должны кануть в Лету, что видно на замечательном примере, дарованном нам Бхактиведантой Свами. Во-вторых, мистические традиции, сложившиеся в таких направлениях, как вайшнавизм, тантрический буддизм, исихазм и суфизм, при всем их разнообразии и детализации аспектов имеют действительно много общего. Наконец, необходимо констатировать, что опыт мистики света, исходящего от личности Бхактиведанты, вполне соответствует тем классическим критериям, что были определены для мистики таким корифеем исследования названного предмета, как Уильям Джеймс. А потому данный опыт, очевидно, имеет право не только на существование, но и на пристальный интерес к нему со стороны научного сообщества индологов, психологов и других специалистов.

Библиографические ссылки

1. Аникин Д. Ф. Божественный свет (Нетрадиционные суждения по традиционной теме) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 37 – 60.
2. Ваясаки дас. Радха-Дамодара виласа. М., 2006. Т. 2. 256 с.
3. Гуляева И. Г. Онтология света и ее рецепция в отечественной философской мысли // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. № 1/2011. С. 11 – 15.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы. М., 2017. 415 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. 960 с.
6. Лосский В. Н. Богословие света в учении святого Григория Паламы // Боговидение. М., 2003. С. 581 – 607.
7. Сатсварупа даса Госвами. Прабхупада : Человек. Святой. Его жизнь. Его наследие. М., 1993. 509 с.

8. Харишаури даса. Трансцендентный дневник. М., 1999. Т. 1. 560 с.
9. Элиаде М. Опыты мистического света. М. : Акад. проспект, 1998. 276 с.
10. Ядубара дас. По стопам Шрилы Прабхупады. Воспоминания. Киев, 2011. 512 с.
11. Bilvamangala Thakkura. Krishna-karnamrita (with Sanskrit text) with commentary of Krishna-dasa Kaviraja. Chennai, 2008. 169 p.
12. Johnson R. C. The Imprisoned Splendour. An approach to reality, based upon the significance of data drawn from the fields of natural science, psychical research and mystical experience. Hodder & Stoughton : London, 1953.

V. V. Ostanin, E. V. Karimova, M. A. Subotyalov

EXPERIENCE OF THE MYSTICISM OF LIGHT IN THE BIOGRAPHY OF BHAKTIVEDANTA SWAMI¹

Both foreign and domestic experts in the field of history, theology, and philosophy study the phenomenon of the mysticism of light. The purpose and objective of this work: to consider this phenomenon on the example of the mystical perception of the image of Bhaktivedanta Swami (1896 – 1977), a famous Indian Vaishnava thinker and mystic. As the methodological basis of the study, authors use the four-part concept of the famous American philosopher of a pragmatic school and psychologist, as well as a psychologist of religion, in particular, William James (1842 – 1910). In his landmark work “The Varieties of Religious Experience” (1902), which laid the foundation for the discipline of the psychology of religion. James reveals two main and two additional characteristics of the mystical experience experienced by a religious person at the stage of holiness. He also denotes the relevance of the study of real-life examples, emphasizing that a wide acquaintance with specific and individual experiences of spiritual experience gives more valuable and deep knowledge than abstract formulas, no matter how deep they are. The authors of the article conclude that the experience of illuminating the image of Bhaktivedanta fully corresponds to the criteria presented by James, and, therefore, can be considered quite adequate from a psychological point of view and be an object of close scientific attention.

Keywords: psychology of religion, mystical experience, religious experience, Vaishnavism, the light of transcendence, Bhaktivedanta.

¹The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44073 «Dialogue between science and religion: historical traditions, modern trends, problems and prospects».

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНДУИЗМА

Индуизм – это совокупность религиозно-философских концепций и практик, сформировавшихся в течение нескольких тысяч лет к югу от Гималаев. Это третья по величине религия в мире, насчитывающая более 1,2 миллиарда последователей. Индуисты полагают, что источник их верований внеисторичен и уходит своими корнями в Веды, поэтому иногда можно встретить термин «ведическая религия». Индуизм представляет собой конгломерат школ и течений, характеризующихся различными философиями и общими идеями, ритуалами, космологическими представлениями, местами паломничества, общими и особенными литературными источниками, в которых обсуждаются теология, метафизика, мифология, ведические жертвоприношения, йога, ритуалы и строительство храмов. На примере индуизма можно наблюдать гетерогенетику смыслов, процессы пролиферации, гибридизации, индивидуации идей.

Ключевые слова: дхарма, религия, право, устойчивое развитие, конвергенция.

Введение

Идеи индуизма сегодня интересны не только с точки зрения богатой мифологии, космогонии и плюралистической теологии. У индуизма есть много практических концепций, близких современной доктрине устойчивого развития государства и общества. До последних событий начала 2022 года концепция устойчивого развития была главным драйвером решений в области промышленности, экологии и здравоохранения. В сложившихся условиях Россия, Китай, Индия выступают основными хранителями этой вполне универсальной, неисчерпаемой и жизнеспособной идеи.

Устойчивое развитие интегрировано в самые разнообразные индийские учения и практики: санатана дхарма,

ишавасья, санкхья, йога, веданта, защита коров, поклонение Земле (Бхуми) как божеству и пяти элементам, почитание деревьев [18; 20]. Концепция устойчивого развития пронизывает разнообразные современные программы корпоративной социальной ответственности, реализуемые в индийских городах и сельской местности [23 – 25]. Рассмотрим, как мешают или помогают в понимании индийской модели устойчивости разные стандарты, параметры, парадигмы и подходы.

Любой догматизм в науке сводит сложные действующие (или действовавшие) в объективной реальности модели до простых однолинейных схем с полной или частичной потерей их внутреннего содержания. Идеологизирован-

ность методов исследования (так как идеологизация теории начинается с идеологизации самих методов исследования) имеет несколько проявлений. В первую очередь к ним относятся субъективные особенности самого исследователя. Исследователь при оценке предмета или явления сравнивает его с теоретическим идеалом, но выбор идеала, точки отсчета зависит от предпочтений, ценностных представлений самого исследователя. Скорее всего, он будет руководствоваться личным опытом, ценностями своей культуры, своего народа, своего времени. В связи с этим следует отметить социопсихологические факторы, влияющие и обуславливающие сознание исследователя и, следовательно, опосредующие его творчество: а) стереотипы (У. Липпман); б) установки (Д. Н. Узнадзе); в) архетипы (К. Юнг); г) научные парадигмы (Т. Кун); д) идеологии (идиомы, цели, идеалы, ценности, разделяемые и культивируемые той или иной социальной группой) [8, с. 33].

Далее отметим несколько проявлений идеологизированного подхода к исследованию, таких как формационный и европоцентристский. Формационный подход базируется на нескольких положениях и догмах, таких как вывод об определяющем классовом факторе в возникновении государства и права, о последовательной смене типов государств – от рабовладельческого к социалистическому, и о социалистическом типе как высшем, об «отмирании» государства и права. Данные догмы не выдержали испытание временем, показали свою утопич-

ность. Среди основных недостатков формационного подхода в исследовании государства можно выделить:

– представление о «запрограммированности» хода истории, в то время как ее ход многовариантен и зачастую стихийен;

– недостаточная оценка духовных факторов (религиозные, национальные и культурные особенности и т. д.), оказывающих существенное влияние на природу того или иного государства.

Проблема европоцентристского подхода в исследовании государств достаточно актуальна. Для европоцентризма характерно отождествление понятий «человеческая цивилизация» и «западная цивилизация». Предполагается однолинейная схема человеческого цивилизационного развития, которая подразумевает, что люди всех времен и континентов шли и продолжают идти одним маршрутом, в начале которого находятся «примитивные» народы и культуры, а в «конце истории» как венец цивилизации возвышается западная либеральная культура. Отождествляя понятия «право», «закон», индийский правовед С. П. Сингх отталкивается от основополагающего тезиса, что право (закон) – понятие, сформулированное западной цивилизацией в процессе ее исторического развития в конкретных обстоятельствах. Аналогично этому другие цивилизации, имеющие свою уникальную логику исторического развития, создали свои собственные принципы «добродетельного образа жизни», и эти принципы «неправовые» [22]. Таким образом, влияние европоцентризма

проявляется в том, что «традиционные культуры представлялись пережитками, маргиналами и даже изгоями» [17, с. 77]. Данную проблему четко описал африканский ученый Битек: «До сих пор социальная антропология представляла собой исследование незападных обществ западными учеными в интересах Запада» [14, с. 74]. Индийский исследователь Ману-самхиты Н. Н. Бхаттачарья описал эту проблему так: «Исследования социально-правовой системы Древней Индии отличаются субъективностью. Так первые исследователи Сенарт, Рислей, Несфилд, Ибетсон и некоторые другие, на которых повлияли, с одной стороны, ценности западной цивилизации, а с другой стороны – эволюционная теория XIX в., пытались объяснить сложнейшее социальное образование с позиции одного стандарта или принципа, вследствие чего их анализ отличался субъективизмом» [21, с. 143].

Стоит отметить, что «первыми индологами, изучавшими древнеиндийскую историю, были британские миссионеры, которые всячески пытались дискредитировать с «научной точки зрения» священные писания Веды в глазах индусов» [15, с. 99 – 106]. Во многих случаях изучение Древней Индии было подвержено субъективным мнениям и личным предубеждениям ученых. С одной стороны, христианские учения в Индии вроде Шерринга (Matthew Atmore Sherring) характеризуют систему каст как искусственное хитроумное изобретение коварных брахманов, являющееся в большей степени пагубным и вредоносным социальным институтом, наиболее

губительным, жестокосердным и бесчеловечным социальным устройством, заслуживающим порицания всего человечества. С другой стороны, Дубойс, Лоу, Таунсенд, Хаттон и Фарнивал отмечали, что данное социальное устройство обеспечивало всех местом, возможностью профессионального роста, работой, дружескими отношениями, клубом, профессиональным союзом, давало благо обществу и чувство единства с другими. По их мнению, это форма социализма, которая в течение веков защищала индийское общество от анархии и зла конкуренции и индустриализации жизни [21, с. 144].

«К. Маркс, характеризуя государственный строй древневосточных обществ, в том числе Древней Индии, как «восточную деспотию», в своей статье «Будущие результаты Британского владычества в Индии» писал: «Индия, таким образом, не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история если чем-нибудь и является, то только историей следовавших друг за другом завоеваний, которым она подвергалась. Истории индийского общества нет, по крайней мере, нам она неизвестна» [10, с. 224].

Неевропейские народы представлялись западным ученым (в частности, Дж. Миллю) нецивилизованными, находящимися в состоянии детства; как следствие, необходима родительская опека над ними со стороны европейцев в форме колониального управления, что, в свою очередь, является благом для опекаемых. На «нецивилизованные» народы Дж. Милль не

распространял действие принципа невмешательства во внутренние дела. В связи с этим уместно замечание Э. Берка о том, что уважаемый и либеральный английский джентльмен, очутившись в Индии, превращался в алчного и деспотичного набоба [11, с. 10].

Таким образом, нами были перечислены специфические особенности традиционной социальной системы и сложности, возникающие при ее исследовании. Далее рассмотрим методологический набор, адекватный объекту исследования.

«Исследователи традиционных обществ отмечают его хозяйственную обусловленность, забывая о духовных, религиозных, этических сторонах традиционных обществ. Вместе с тем многие вопросы, относящиеся к характеристикам традиционного общества, остаются за границами обычного права, что связано с самим характером права, требующим вовлечения в его анализ внеправовых явлений» [5, с. 35].

Общий принцип предлагаемого подхода к исследованию – комплексность. Д. Уолкер описывает как минимум пять главных точек зрения, с которых необходимо рассматривать социальные системы: 1) философскую, 2) историческую, 3) компаративистскую, 4) аналитическую, 5) социологическую, или функциональную. Между тем, как верно подмечает Д. А. Керимов, системный подход к исследованию сложных динамических целостностей «позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия от-

дельных его компонентов, но и их взаимодействия на различных уровнях» [12, с. 243]. Отсутствие комплексного подхода при изучении системы социальных регулятивов Древней Индии проявляется в попытке расчленить их на части, лишённые какой-либо гармонии, каждая из которых сама по себе воспринимается лишь как абсурдная прихоть исторического процесса. Пытаясь изучать каждую из этих составных по отдельности, ученые предпринимают попытки дать более или менее рациональное объяснение им, заново сложить из них мозаику. Зачастую каждый элемент или текст рассматривается не в связи с другими, а в противопоставлении. Даже в рамках изучения одного, гармоничного текста выдвигаются гипотезы о том, что различные его части были написаны разными авторами, в разные эпохи. Разберем несколько примеров.

Проанализируем следующую цитату: «Значение трактата [Артхашастра] не исчерпывается тем, что он представляет традицию, отличную и независимую от дхармашастр и, по всей видимости, более полно и достоверно отражающую действительность» [4, с. 229]. В данном утверждении противопоставляется традиция текста «Артхашастры» другим текстам дхармашастр.

«Дхармашастры» – научные трактаты, сборники религиозных и политических, правовых наставлений, комментирующих и объясняющих Веда. Ключевым для этих текстов является понятие дхармы: «Дхарма как закон жизни, жизненного пути (человека в целом, ка-

сты, профессии, личности, в том числе правителя) начинает пониматься как нравственное качество, как моральный долг, добродетель, обычай, внутреннее осознаваемое правомерное поведение» [9; 19, с. 8].

Разумеется, можно найти причины, например, отличия в содержании или в грамматике санскрита, возможно в других элементах. При этом возникает сомнение, допустимо ли из-за подобных различий разбивать единую систему социально-нормативных регуляторов древнеиндийского общества на отдельные части? Рассмотрим еще одно спорное утверждение, полученное, на наш взгляд, без использования комплексного подхода. А. Л. Вигасин и А. М. Самозванцев пишут: «Индийское право базировалось главным образом на обычаях, издавна принятых в той или иной местности, касте или родственной группе. Поэтому письменный текст не может рассматриваться как свод законов, обязательных на всей территории Индии в какой-либо период» [4, с. 8].

В связи с данным утверждением уместно поставить вопрос о соотношении текста «Дхармашастры» морально-нравственным обычаям. Представляется, что и обычаи, и тексты, и предписания дхармашастр имели одну основу. Они не только не противоречили, но взаимно дополняли друг друга. В ведическом социуме авторитет шастр был так велик, что обычаи, противоречащие священным писаниям, просто не могли возникнуть.

Анализ отдельных компонентов духовной культуры, изменений, порожд-

денных ею, представлений и идей в новых исторических условиях помогает правильно определить место каждого из этих компонентов в контексте конкретно-исторической эпохи и тем самым избежать столь часто наблюдаемой модернизации, т. е. интерпретации философских и научных теорий и религиозных представлений далекого прошлого в духе и с позиций современных воззрений и доктрин [1, с. 9].

Для органичного изучения системы социального регулирования Древней Индии необходима концепция целостности. Философ В. Ф. Касаткин разработал данную концепцию применительно к ведической культуре [7, с. 14]:

1. Социальные нормы одновременно универсальны и локальны. Существуют общие черты, встречающиеся в различных общностях, но тем не менее каждый раз они образуют некоторый своеобразный комплекс, присущий именно данной общности. Более того, именно локальность оказывается одной из универсалий, хотя и имеющей свои градации.

2. Социальные нормы одновременно обеспечивают как динамику общества, так и его стабильность, поддерживая преемственность в самых глубоких социальных переменах.

3. Социальные нормы дают основу для интеграции общности, но вместе с тем через общество формируют дифференциации социально-правовой деятельности, отражающиеся в социальных отношениях.

4. Философско-идеологическим фундаментом всего социума, включая

регулятивную систему, является корпус ведической литературы.

Следующий принципиальный подход к исследованию – холистический герменевтический метод, познание динамического целого во взаимосвязи его частей и процессов. Данный метод подразумевает бережное отношение к информации, представляемой традицией о самой себе, отказ от чистого редукционизма [2, с. 23]. Использование данного метода подразумевает анализ и интерпретацию санскритских текстов на основе авторитетных традиционных комментариев ведических ученых, «благодаря которым сохранились фрагменты и ценностно-смысловое наполнение утраченных ведических текстов» [6, с. 40]. Практической целью авторов комментариев на уровне герменевтического дискурса было представить текст логически непротиворечивым и сделать его доступным для концептуализации [2, с. 77]. Поэтому применение данного метода решает проблему интерпретации сохранившихся источников права (написанных на санскрите), которая особенно сложна для западного исследователя, находящегося вне контекста ведической культуры. Данные же комментарии являются носителями особого «духа» традиции, вводящего в реалии традиционного общества. Холизм герменевтического метода заключается в целостном обзоре функционирования традиции во времени, где такие авторы, как Бхактиведанта Свами Прабхупада, Бхакти Викаша Свами, Госвами Махарадж, выступают не как редукционистски воспринятые «неохинду», а как ре-

презентанты и фасилитаторы традиции на новом этапе её разворачивания. Использование данного метода также представляет собой некоторое изоморфное продолжение устойчивого для ведического общества метода (праманы) шабда, или слушания самой традиции в её самоэксplikации [13]. С точки зрения Вед, любое познание может иметь четыре вида недостатков, но авторитетное свидетельство есть достоверное средство познания, независимое от других праман (способов обретения знания). Благодаря ему человек в познании способен преодолевать свою ограниченную природу [2, с. 176]. Вплоть до британской колонизации все право Индии основывалось на трудах ученых, их комментариях. Жрецы-юристы Индии, несомненно, играли важную роль в определении обычаев, заслуживающих правового признания. Тем не менее вопрос о правомерности использования традиционных комментариев остается дискуссионным. Например, по мнению А. А. Вигасина, «А. М. Самозванцев следует лишь тем интерпретациям комментаторов, которые кажутся ему убедительными, а остальные добросовестно отмечает в своих пространных размышлениях. Таким образом, он не столько полагается на авторитет комментаторов, сколько рассматривает их как своих предшественников по истолкованию текстов. В целом это, конечно, совершенно справедливо. Однако если мы сами не хотим уподобиться средневековому книжнику, то к нему не можем относиться как к современному ученому» [3, с. 273 – 292.]. Из этого высказывания

можно сделать вывод, что в отечественной правовой науке не существует однозначного мнения по этому вопросу. Применение данного подхода весьма важно в нашем исследовании. Преимуществом использования герменевтического метода, включающего анализ отдельных компонентов духовной культуры, является то, что он помогает дать правильную оценку изучаемым явлениям и избежать столь часто наблюдаемой модернизации, т. е. интерпретации философских и научных теорий и религиозных представлений далекого прошлого в духе и с позиций современных воззрений и доктрин [16].

Среди используемых методов стоит отметить социокультурный подход, который позволяет рассматривать культуру общества как процесс и результат творчества человека, характери-

зующиеся созданием и утверждением социальных ценностей и норм [5, с. 43]. Окружающий нас многообразный мир познается не только через эстетическое, этическое и иное восприятие, но и сквозь призму существующих в этом или ином обществе моральных стандартов, правовых институтов и регулятивных норм. В Древней Индии особое внимание уделялось осмыслению специфических моральных, нравственных и естественно-правовых представлений, таких как справедливость, благо, добро. Поэтому данное исследование будет неполным без социокультурного подхода. Социальная антропология, герменевтика, социология культуры, этнопсихология – все это дисциплины, которые дают необходимый контекст изучения религиозных и культурных традиций Индии.

Библиографические ссылки

1. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М. : Наука, 1980. 320 с.
2. Ватман С. В. Бенгальский вайшнавизм / под ред. С. В. Пахомова. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 403 с.
3. Вигасин А. А. Древняя Индия: от источника к истории. М. : МГУ, 2007. 392 с.
4. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры права. М. : Наука, 1984. 253 с.
5. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РАГС, 2007. 48 с.
6. Дхармашастры Нарады / пер. с санскрита и комм. А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева ; вступ. ст. А. А. Вигасина. М. : Восточ. лит., 1998. 256 с.
7. Касаткин В. Ф. Ведическая культура как исторический тип : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д. : РГУ, 1999. 33 с.

8. Лядов А. О., Евсеев А. В. Методологические предпосылки исторических исследований государства и права // Актуальные проблемы истории и теории российского права. 2001. № 3. С. 31 – 37.
9. Крашенинникова Н. А. Индусское право : История и современность. М. : МГУ, 1982. 192 с.
10. Маркс К. Будущие результаты Британского владычества в Индии // Собр. соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс 2-е изд., стер. М. : Политиздат, 1957. Т. 9. С. 130 – 136.
11. Мартышин О. В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4. С. 84 – 90.
12. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М. : Аванта, 2000. 560 с.
13. Сокол В. Б. Онтология сверхчувственного аспекта слушания в европейской и ведической традициях : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень : ТГУ, 2005. 172 с.
14. Нерсесянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. М. : Норма, 2006. 832 с.
15. Сатсварупа дас Госвами. Очерки ведической литературы: что говорит о себе великая традиция. М. : ББТ, 1990. 144 с.
16. Тимощук А. С. Навадвипа бхава таранга, или кинотеатр времени бенгальского вишнуизма // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 2. С. 12 – 28.
17. Тимощук А. С. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород : НГАСУ, 2007. 402 с.
18. Тимощук А. С. Экология в ведической культуре // Законы экологической сферы общества : материалы VIII Междунар. ярмарки идей, 33 Академ. симп. Н. Новгород : Изд-во Гладкова О. В., 2005. С. 223 – 224.
19. Ударцев С. Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Алматы : Академия экономики и права, 2005. 119 с.
20. Rautela R. Role of Hinduism in maintaining sustainable development // International journal of socio-legal analysis and rural development. Volume 2. Issue I. ISSN 2455 4049.
21. Bhattacharyya N. N. Ancient Indian history and civilization. Manohar. New Delhi : Manohar, 1988. 333 p.
22. Sinha S. P. Non-University Law // Archiv. 1995. Bd. 81. № 2. P. 185 – 214.
23. Shamsar Ali Shaikh, Тимощук А. С., Тимощук Е. А. Банковское дело в Индии как кейс исламской корпоративной социальной ответственности // Высокая теория российского ислама – современная теология : материалы всерос. (с междунар. участием) вебинара, 2 дек. 2020 г. Уфа : Печатник, 2020. С. 23 – 27.

24. Tyagi R. Sustaining by working on the bottom of the pyramid: a case of Jaipur Rugs India on its socially responsible practices // International Journal of Business Performance Management. 2012. 13(1). P. 46 – 59.

25. Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S. Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1 – 9.

A. S. Timoshchuk

SOCIO-LEGAL CONCEPTUALIZATION OF HINDUISM

Hinduism is a set of religious and philosophical concepts and practices that have been formed over several thousand years south of the Himalayas. It is the third largest religion in the world with over 1.2 billion followers. Hindus believe that the source of their beliefs is ahistorical and rooted in the Vedas, so sometimes you can find the term "Vedic religion". Hinduism is a conglomeration of schools and currents characterized by some common and diverse principles, philosophies, rituals, cosmological ideas, places of pilgrimage, general and special literary sources that discuss theology, metaphysics, mythology, Vedic sacrifice, yoga, rituals and temple building. On the example of Hinduism, one can clearly observe the heterogenetics of meanings, the processes of proliferation, hybridization, and individuation of ideas.

Keywords: dharma, religion, law, sustainable development, convergence of law systems.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна – старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
amirseiidova.sabina@yandex.ru

КАРИМОВА Екатерина Викторовна – менеджер проектов ООО «ФинСофт ритейл», г. Новосибирск
ekaterina.berveno@gmail.com

КИПРИЯНОВА Наталья Владимировна – доктор исторических наук, доцент профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
natvlad50@mail.ru

КОРНИКОВ Аркадий Андрианович – доктор исторических наук профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново
histgerb@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МАРКОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
natmarkova@list.ru

МУРАТОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
mouratova@tut.by

ОСТАНИН Вадим Владимирович – кандидат философских наук, доцент истории философии, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул
vadim_bh@mail.ru

ПЕТРОСЯН Дмитрий Ильич – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
ilyich87@yandex.ru

СУБОТЯЛОВ Михаил Альбертович – доктор медицинских наук
доцент кафедры фундаментальной медицины Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск
subotyalov@yandex.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
a@timos.elcom.ru

ХАЗОВ Владимир Константинович – кандидат философских наук
доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург
Vla1968@yandex.ru

ЧЕРНОВ Олег Александрович – доктор исторических наук
профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара
helen94@mail.ru